

Б И Б Л И О Т Е К А

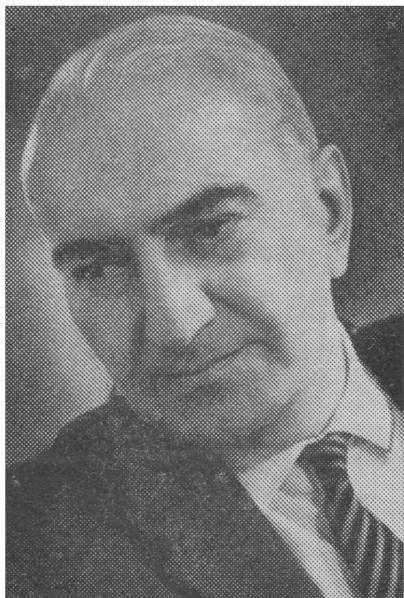
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 26

1981

Михаил АНДРИАСОВ

АТОММАШ ЗОВЕТ!

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 26

Михаил АНДРИАСОВ

АТОММАШ ЗОВЕТ!

О Ч Е Р К И

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Михаил АНДРИАСОВ

Михаил Андреевич Андриасов родился 1 августа 1914 года в гор. Миллерово, Ростовской области.

В 1930—1931 годах работал кочегаром на Туапсинском нефтеперегонном заводе.

С 1932 года — на журналистской работе в ростовских газетах «Большевицкая смена», «Красный кавалерист», «Молот», в редакции московской газеты «За индустриализацию».

В годы Великой Отечественной войны — военный корреспондент фронтовой газеты «Боец РККА», а затем — специальный военный корреспондент газеты «Комсомольская правда» на Закавказском, Северо-Кавказском фронтах, в Отдельной Приморской армии, в рядах 18-й десантной армии, на Втором Белорусском фронте. Был тяжело ранен. Имеет боевые награды.

Михаил Андриасов — автор книг «Шесть дней», «Господствующая высота», «Придонская быль», «Легенда о золотом коне», «Сын солдата», «Подвиг пионера», «Автомат Юры Тарасова», «Племя отважных», «На шолоховской земле», «На вешенской волне», «Сын тихого Дона», «Зангезур», «Вешенские были», «На донской земле», «Станица Вешенская».

Михаил Андриасов — автор многих очерков, критических статей, фельетонов. Они печатались в журналах «Огонек», «Октябрь», «Дон», «Знамя», «Москва», «Дружба народов», «Звезда», «Советский воин» и других.

Окончил литературный факультет Ростовского педагогического института. Член КПСС. Член Союза писателей СССР.

За заслуги в области советской литературы награжден орденом «Знак Почета».

В настоящей книге собраны очерки последних лет, посвященные славным труженикам одной из важнейших строек наших дней — Атоммаша. Изменились биографические данные некоторых героев писателя, но неизменны созидательный дух и творческое горение атоммашевцев.

АТОММАШ ЗОВЕТ!

1

Тихий Дон... Цимлянские степи... Это здесь ныне поднялся у рукотворного донского моря сказочный чудо-завод Атоммаш.

В середине семидесятых годов людей со всех концов страны, подобно доброму набату, скликал в былинную казачью степь всенародный клич:

— Атоммаш зовет!

Да, людей звала невиданная до сей поры стройка. Рождался уникальный завод, из ворот которого должны были выходить мощные атомные реакторы.

Это похоже было на неслыханную дерзость: люди задались целью превратить древнюю ковыльную степь в стартовую площадку, с которой во все концы света пойдут самые совершенные атомные машины, несущие людям мир и энергию.

Над степными просторами перекатывалось призывное: «Даешь Атоммаш!». Но за этим, только что рожденным словом «Атоммаш» слышался голос не только тех, кто ставил первые колышки,— трубно гудело само древнее и когда-то дикое поле, а если вспомнить слова Михаила Александровича Шолохова,— трубно гудела «донская, казачьей, нержавеющей кровью политая степь».

Это была кровь Степана Разина, кровь Емельяна Пугачева, кровь тысяч и тысяч трудовых казаков, отдавших свою жизнь за справедливость, за счастье родного народа.

...Недалеко от тех мест, где стоит теперь Атоммаш, есть старинный казачий хутор Генералов. Нет, он носит свое имя не от подвигов какого-нибудь старого царского генерала. Название хутора пошло от потомственного донского казака, народовольца-революционера Василия Денисовича Генералова. Он был другом и боевым товарищем Александра Ульянова, старшего брата Владимира Ильича Ленина. Вместе со своими товарищами они готовили покушение на царя Александра III, но 1 марта 1887 года были арестованы, а затем повешены в Шлиссельбургской крепости.

...Хутор Соленовский, что раскинулся в Цимлянской степи, стал предтечей Волгодонска. Но в годы гражданской войны, в 1918 году, все казаки этого хутора ушли в красный партизанский отряд. Командир партизанского отряда хутора Соленовский Алексей Черников пал смертью героя в боях с белогвардейцами.

...Станица Романовская, она тоже по соседству с землей Атоммаша. В годы Великой Отечественной войны молодой романовский казак Иван Смоляков возглавил партизанский отряд станичной молодежи, который бесстрашно громил немецких фашистов...

Карателям удалось схватить Смолякова. Гитлеровцы зверски измывались над Иваном, но, не сломив его воли, поволокли на закованный льдом Дон и столкнули Ивана в прорубь.

...Казачья, нержавеющая кровь, омывшая донскую степь, это не только кровь Разина и Пугачева, это и кровь Василия Генералова, Алексея Черникова, Ивана Смолякова...

— Атоммаш зовет! — это голос живых и тех кто пал за Родину.

2

Эта встреча произошла на заседании парткома стройки. Рассматривались заявления атоммашевцев, вступавших в партию. Секретарь парткома, еще совсем молодой человек, с пронизательными, чуть улыбочными глазами, внимательно оглядел такого же, как он сам, молодого человека и в раздумье проговорил:

— Ваше лицо очень знакомо мне. Где мы с вами встречались?

Казалось, тот, чьи документы сейчас рассматривались, ожидал этого вопроса.

— На КамАЗе. Только тогда вы принимали меня в комсомол, а теперь в партию...

Секретарь парткома держал в руках анкету бетонщика Александра Фадеева. Судя по тому, как на высоком лбу секретаря мгновенно растаяли две легкие морщинки, все прояснилось.

— Вспомнил! — обрадовался он. — Ты вступал в комсомол в те дни, когда ваша бригада в один месяц дала два плана. Только ты тогда, я хорошо это помню, был рядовым рабочим, а теперь бригадир плотников-бетонщиков.

При этих словах на щеках Фадеева выступил румянец, но парень не растерялся.

— Так и вы же не на одном месте топтались, — подняв голову, сказал он. — На КамАЗе были секретарем комитета комсомола, а здесь — секретарь парткома. Ничего не поделаешь, жизнь такая, она всех нас вперед выносит...

Я долго думал над словами бригадира Фадеева: «...жизнь такая, она всех нас вперед выносит». Правда в этих словах. Оглянись, мой

друг, огляди теперь мою степь, присмотрись к ней. Посмотри, что делает воля советского человека!

Что особенно радует на Атоммаше? Поражают не столько масштабы предприятия, хотя и они сами по себе достойны могучих плеч десятой пятилетки, удивляет другое: невиданные темпы, уникальные сроки и не менее уникальные методы строительства. Вот почему, ознакомившись с огромной строительной площадкой (кстати, как не соответствует здесь слово «площадка» неоглядной территории строительных работ!), с людьми, возводящими в считанные месяцы такие мощные производственные корпуса, как первый корпус, длина которого семьсот сорок четыре метра, ширина — триста девяносто три, а высота — сорок метров, понимаешь, почему именно сюда устремляются строители со всех концов нашей страны: Атоммаш зовет! Действительно, зовет, и люди с горячими сердцами преодолевают тысячи километров, оставляют любимые города, обжитые места, нередко благоустроенные квартиры, чтобы приехать на живописные берега рукотворного Цимлянского моря и своими руками возводить один из выдающихся заводов современности. Примечательно: завод, одна из главных строек десятой пятилетки, рождается в молодом городе Волгодонске, который сам порожден пятой пятилеткой и является детищем знаменитого Волго-Донского канала и Цимлянской ГЭС имени Владимира Ильича Ленина.

Удивительное это племя — племя строителей. Нескончаема, пожизненна у них любовь к своей благородной профессии. Наверное, это потому, что о человеке строящем, с незапамятных времен говорят: он — созидатель, он строит Жизнь.

Едут на Атоммаш в одиночку и едут целыми семьями. С КамАЗа приехала семья Деминых, или, как уважительно говорят на донской стройке, семья двух бригадиров. Жена, Екатерина Филипповна Демина, руководит комсомольско-молодежной женской бригадой штукатуров. Муж, Виктор Степанович Демин, возглавляет бригаду шоферов. Оба — коммунисты. У обоих бригады в ряду тех, кто впереди. И сын Деминых — Виктор — комсомолец, молодой слесарь, трудится на Атоммаше в мастерской по ремонту автомобилей.

Как в родную семью, влились в ряды атоммашевцев муж и жена Мирзояны. Он — армянин, она — русская. Галина Васильевна — коммунистка, член парткома стройки, руководит бригадой маляров-штукатуров, совсем еще девчушек. Эта бригада стала на Атоммаше одной из самых известных.

Кажется, все пути в наши дни ведут на Атоммаш. Приезжают сестры, приезжают братья. Желание быть на передовой наших дней привело на донскую Всесоюзную ударную и двух красивых парней — братьев Поляковых. Коммунист Федор Поляков руководит бригадой плотников-бетонщиков СМУ-9. Василий Поляков — в бригаде брата. Трудятся они на одном из главных объектов — на строительстве

третьего корпуса. Как трудятся? Можно сказать, это о них, о братьях Поляковых, и таких, как они, возвещают над степью простые и героические слова призывного полотнища:

Место подвига — Атоммаш.

Время подвига — наше время.

3

Приехали сюда люди с разных строек, но больше всего — камазовцев.

— Это хорошо, — говорил мне секретарь парткома. — Хорошо, что здесь много камазовцев. Люди с одной большой стройки пришли на знаменитую донскую землю. Многие из них знают друг друга, вместе преодолевали трудности, вместе, как говорится, не раз ломали голову над решением сложных задач. Нередко тогда возникали проблемы, которые до той поры не встречались в строительной практике. А разве такие проблемы не возникают на Атоммаше? Опираясь на камазовский опыт, мы не повторяем прошлых ошибок. А камазовский опыт — вон какой! Мне выпала там честь четыре года возглавлять комитет комсомольской организации, объединявшей в своих рядах тридцать две тысячи комсомольцев. Целая армия... Потом работал заместителем секретаря парткома стройки. Это пять тысяч коммунистов. Нет, что ни говорите, КамАЗ — великолепная школа созидания. И на нашем строительстве тоже представлена вся страна. Уникальный завод строят сыны всех пятнадцати советских республик. Анатолий Дмитриевич, — обращайтесь мой собеседник к заместителю секретаря парткома, — познакомьте гостей с нашими интернациональными бригадами.

Интернациональные бригады... Не скрою, последние слова глубоко взволновали меня. Интернациональные бригады! Сколько стоит Советское государство, эти слова всегда были для нас кровно близкими, родными. Они — в истоках, в самой сути нашего братского содружества.

Вместе с Анатолием Дмитриевичем Миловановым отправились на участки. Это была солидная территория — шестьсот шестьдесят гектаров. Впечатление — будто разбужены гигантские пласты многовековой донской целины, целины Жизни. Идет, гудит сама земля! Царство машин, и ты ловишь себя на мысли — да ведь это же торжество социалистического труда, торжество созидания. Всюду, куда проникает глаз — и рядом с нами и в дальней дали, — машины, уникальные машины, невиданные доселе порталные краны, могучие прессы, мощные скреперы, тяжелые грузовики, бульдозеры — машины, машины, машины...

Людей почти не видно, а ведь на этой площадке десятки тысяч строителей. Где же они? Немудрено — на шестисотгектарной

территории в глаза зримо бросается прежде всего новая, совершенная техника. Но над ней властвует человек. Машинами управляют люди.

Анатолий Дмитриевич Милованов — инженер-геодезист. Скромный, мягкий в обращении с людьми, на редкость внимательный к окружающим, ревниво влюбленный в рождающиеся корпуса Атоммаша, он детально знает биографию стройки.

Вот мы в одном из лучших строительных коллективов — в бригаде бетонщиков Владимира Утопова. Что дает мне право называть эту бригаду одной из лучших? Принятые обязательства? Нет, уже свершенные конкретные дела.

Когда страна готовилась к XXV съезду партии, кандидат в члены КПСС Утопов выступил с призывом ко всем бригадирам и бригадам начать соревнование за право носить имя съезда. Нелегким стало это трудовое соперничество — на стройке было двести тридцать бригад, значит, двести тридцать претендентов. И все же боевой комсомольский коллектив молодого коммуниста Утопова вышел победителем. По всем показателям. Бригаде присвоили имя XXV съезда КПСС.

Кто они?

Русский паренек, плотный, упруго собранный, Николай Кутепов прибыл из Челябинской области. Девятнадцатилетний украинец, сын шахтера, Константин Захаров — из Кривого Рога. Рядом с ними трудятся белорус Вячеслав Синевич, татарин Владимир Гилязов, армянин Грант Будагян...

— Как я мог не приехать? — горячится Грант. — Дон, такой легендарный, такой популярный. Кто не знает донских казаков?! Здесь сам Шолохов живет! Как услышал о заводе — решил: это честь для меня строить такое предприятие. И еще я подумал вот о чем. В Армении, чтоб вечно жил наш дорогой Севан, под могучим Варденисским хребтом строится тоннель длиной пятьдесят километров. Дело в том, что на воде Севана работает целый каскад гидростанций. С некоторых пор вода в уникальном высокогорном озере стала заметно убывать. Наш великий поэт, варпет Аветик Исаакян увидел обнаженные берега Севана и с болью сказал: «Когда я вижу, как уходит вода из Севана, мне кажется, будто это из моих вен уходит моя кровь...» Армяне решили спасти Севан. По тоннелю, который строится, горная река Арпа понесет свои воды Севану. А помогать армянам прокладывать тоннель Арпа — Севан приехали русские, украинцы, грузины, азербайджанцы, латыши, молдаване... И я тоже с большим желанием приехал теперь помогать русским братьям строить в степи наш общий Атоммаш! Правда, одно серьезное затруднение возникло — я учился в институте, не хотел бросать его. Но здесь, на Дону, мне помогли, и я теперь студент-заочник Новочеркасского инженерно-мелиоративного института. Буду инженером-механиком...

Грант Будагян не единственный студент на стройке. Тут их много. Бригадир каменщиков, депутат Ростовского областного Совета народных депутатов Николай Кравцов — заочник Новочеркасского политехнического института. В этом же институте заочно учатся бригадир каменщиков Александр Стефанов, слесарь Владимир Рыжкин. Рабочий Николай Ковалев — студент Ростовского института сельхозмашиностроения. Мастер Владимир Зарубин — студент Ростовского инженерно-строительного института. Рабочий Феликс Драгун — заочник Ростовского института народного хозяйства...

Бригада Утоплова вызвала на социалистическое соревнование бригаду монтажников-бетонщиков Леонида Казакова — делегата XXV съезда КПСС, лауреата премии Ленинского комсомола, — работающую на строительстве БАМа.

— Мы знаем, — говорит Владимир Утоплов, — что соревнование будет трудным. Леонид Казаков — опытный руководитель. Но и мы не уроним чести Атоммаша.

Главная сила — молодежь. Она помнит традиции отцов и матерей... Помнит и продолжает их. Юноши и девушки — русские, украинцы, белорусы, армяне, литовцы, молдаване, грузины, таджики, азербайджанцы, татары, чуваша — создали комсомольский отряд и назвали его «Коммунаром». Девушки из общежития № 3 объединились в клуб «Красные косынки». Девиз бригад, отрядов, клубов: «Стройку — досрочно, с высшим качеством!»

Каменщица Надежда Вахрушева говорит:

— Атоммаш строит вся страна. Это верно. Я — дочь Удмуртии. Тружусь так, чтобы мои соплеменники не краснели за меня.

Кореец Виктор Пак:

— Работается хорошо. Хочу всем сердцем оправдать ту высокую оценку, которую дал Леонид Ильич Брежнев на встрече с зиловцами делам рабочего класса.

Казах Геннадий Сыздыков:

— Мы — плотники. Так стараюсь сделать каждую оконную раму, каждую дверь, каждый подоконник, будто ставлю личное клеймо. Иначе нельзя — Атоммаш строим! Понимать надо...

Литовец Гинтаутас Поворюнас:

— Я вырос в родном Вильнюсе. Овладел профессией строителя. Возводить дома — это прекрасно. Моя жена тоже строитель. Мы отдали с ней частицу наших сердец молодым городам Тольятти, Набережному Челнам. Теперь Волгодонск... Обещаем: это будет очень красивый город!

Атоммаш строит вся страна не только потому, что его стены поднимают дети разных народов. На Атоммаш работают сотни заводов страны. Их адреса: Москва, Горький, Челябинск, Иваново, Харьков, Днепропетровск, Львов, Минск, Чимкент, Ташкент, Тбилиси, Ереван, Сумгаит...

На областном собрании партийного актива, которое состоялось в городе Волгодонске, обсуждались вопросы по досрочному вводу в эксплуатацию мощностей первой очереди. На собрании в числе других ораторов выступили первый секретарь Ростовского обкома КПСС Иван Афанасьевич Бондаренко, председатель облисполкома Николай Михайлович Иваницкий и министр энергетики и электрификации СССР Петр Степанович Непорожний. Они говорили о государственной важности задаче, поставленной перед Ростовской областной партийной организацией решениями XXV съезда КПСС, — в десятой пятилетке создать и освоить мощности первой очереди Атоммаша и развернуть строительство второй очереди.

Строители, монтажники и эксплуатационники решили: к 22 декабря 1976 года сдать в эксплуатацию третий корпус, а к 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции — главный корпус и приступить к изготовлению первого атомного энергетического реактора. Слово свое сдержали.

Удивительные темпы! Смотрю на третий корпус, на громаду из бетона и стали, — и дивлюсь: как утвердили в земле и подняли над степью эту почти полукилометровую махину, шириной четверть километра, и всего за полгода?

Удивительные люди! Вот один из них — бригадир монтажников, заслуженный строитель РСФСР, коммунист Михаил Миронович Советов.

Этот человек двадцать лет руководит монтажниками-высотниками. Награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Октябрьской Революции...

— Третий корпус мы сдали раньше, — говорит Советов. — На Атоммаше иначе нельзя...

Задание партии по строительству гиганта атомного машиностроения будет выполнено. В это веришь, когда видишь, как решительно, как старательно, с какой гордостью трудятся атоммашевцы, идущие в едином строю: молодежь и ветераны первых пятилеток. Чего стоит прекрасный трудовой путь одного из них — делегата XXI, XXII, и XXV съездов Коммунистической партии, знаменитого сварщика нашей страны, донского казака, уроженца хутора Генералова, — того знаменитого хутора, о котором мы рассказали вначале, — Алексея Александровича Улесова.

Ему шестьдесят с лишним. На строительстве Атоммаша руководит бригадой сварщиков. Член партийного комитета стройки. А за спиной — строительство Цимлянского гидроузла, Куйбышевской ГЭС, Асуанской плотины... После Асуана — Тольятти, КамАЗ и вот снова — тихий Дон. Та самая родная земля, где он строил Цимлянскую гидроэлектростанцию, создавал Цимлянское море. Теперь на берегу этого моря его новая немеркнущая роспись — роспись на стальном теле Атоммаша — огненные швы выдающегося строителя, которого в пору именовать зодчим.

— А ты слышал, что с одним индюком случилось?! Он думал-думал и это... в суп попал,— задиристо отвечал Зуб.

— Это как сказать,— не унимался Коновалов.— Не подумавши, раньше индюка можно копыта отбросить...

Словесные перепалки между председателем колхоза и председателем сельсовета на всю жизнь остались в памяти сельсоветского конюха Алеши Улесова. Был он в ту пору еще совсем мальчишкой. И если бы тогда у Алеши спросили, кто из двух ему больше нравится,— ох, как трудно было бы ответить на такой вопрос. Бывало, когда они спорили, Алешка с широко открытыми глазами глядел то на одного, то на другого. Вот головастые, и слова какие у них, даже интересно. Одного слушаешь, ну чистое дело, крыть нечем. Все у него правильно. Другой ответит этому — тоже не объедешь. Обоими восхищался мальчишка. Иван Зуб, как и Алешкин отец Александр Иванович Улесов, в гражданскую против беляков воевал. Только папаня служил в 1-й Конной армии, у самого Буденного, а Зуб — в красной пехоте.

Иван Зуб был из иногородних и эту службу в пехоте не очень жаловал. Семья его в старое время лошади не имела. Так дядя Иван и исходил в войну всю землю из края в край, пересчитывая встречные бугорочки. «Далась ему эта пехота,— не раз с досадой рассуждал Алешка,— из-за нее, пехоты этой, вишь как Еврик Зубу не дается, будто по ногам узнает пехотинца».

В сельсоветской конюшне стояли два коня. Один — норовистый, готовый сбросить любого седока, гнедой, на три ноги снежно-белый, неведомо кем прозванный Евриком, и серый, мышастой масти конь Камыш, всегда стоявший с понурой головой.

Алексей Александрович Улесов и теперь, до самой малой малости, ясно помнит облик председателя Зуба. Высокий, плотный, чубатый — шапка русских волос на голове, как копна. Глаза горят, кажется, тронь их ненароком — и они пожаром вспыхнут. Руки большие, обветренные, кожа на них потрескалась, пальцы желтые, прокуренные. Так и тянет одну самокрутку за другой. Хоть бы отдышался. Ан нет, только окурок бросит в угол, раздавит его, смачно сплюнет, и другая уже дымится...

Вот он собрался в поле. На нем военные галифе, кожаная куртка, кожаная фуражка.

— Алешка! — кричит.— Седлай коня, да побыстрее!

Каждый раз слыша эти хорошо знакомые слова, Алексей Улесов терялся: которого коня седлать — горячего Еврика или спокойного Камыша? Задача была трудная. Сам Зуб, обращаясь к Алеше, не называл ни того, ни другого, будто поручал решить этот вопрос конюху.

А каково Алешке? Он хорошо знал, что Ивану Михайловичу ой как хочется промчаться по хуторским улицам на скаженном Еврике. Пусть увидят казаки, а особенно казачки, как он, иногородний, лихо скачет на бешеном Еврике, о котором наслышан не только хутор

Генералов. Вся округа знает этого огнедышащего коня. «Хорошо бы такому неумемному, горячему человеку, у которого характер, как та сжатая пружина, готовая тотчас рвануться, хорошо бы Ивану Михайловичу проскакать на Еврике,— с сердечной теплотой думает Алеша Улесов.— И по натуре своей они оба схожи — что Зуб, что Еврик, и галифе у Ивана Михайловича в самый раз для бывалого всадника. Эх, в самый раз... да не совсем».

Сельсоветский конюх знает: спроси Зуба, какого коня седлать — Еврика или Камыша, сам Зуб не ответит. Хорошо бы на Камыше, оно поспокойнее и беда не грозит. Но казаки? Застыдят, засмеют, скажут, струсил председатель, Еврика испугался, позор какой...

— Иван Михайлович,— докладывает Алеша,— коня заседлал, стоит у порога.

О чем-то хочет спросить Иван Михайлович. Но не решается. Однако конюх знает, какой вопрос его мучает. Так и не сказав ничего, Зуб решительно направляется к выходу и, едва шагнув на крыльцо, уже видит ответ на свой незаданный вопрос — у порожка сельсовета стоит, нетерпеливо переступая с ноги на ногу, Еврик, и пар у него из ноздрей, как из трубы.

...Возле сельсовета о чем-то своим гутарят казаки. Завидев председателя, они обернулись, ответили на его приветствие, внимательно приглядываются. Ни секунды не раздумывая, Зуб подходит к коню и легко вскидывает свое грузное тело на Еврика. Но делает он это не так, как исконные хуторяне. Казак ногу вставит в стремя, но только на носочек... Председатель сельсовета, остерегаясь буйного коня, хочет сразу же поплотнее угнестись на нем и вдевает ногу в стремя по самый каблук. Еврик с места рванул в намет. Председатель закачался, того и гляди, конь сбросит его на окаменелую дорогу. Казаки смеются, веселое зрелище, они уже предвкушают позор иногороднего мужика... Еврик вдруг остановился, озлобленно стал на дыбы, резко повернулся, свирепо сверкнул скошенным взглядом... Зуб цепко ухватился за гриву, за шею коня. Над улицей перекачивается громовой хохот... Но казаки смеются преждевременно. Иван Михайлович овладел собой, его воля пересилила волю Еврика, и конь, заметно поостывший, под гаснущие смешки разочарованных казаков исчезает в глубине улицы...

— Ай да дядька Иван! Ай да председатель! — восхищенно шепчет Алеша, и его радости нет конца.— Приструнил-таки Еврика, добился своего. Ай да дядька Иван!

2

Кто знает, может, воля председателя Ивана Зуба, покорившая в тот морозный декабрьский день необузданного Еврика, стала частицей того мужественного характера, который уже тогда зарождался у маленького конюха с хутора Генералова? Кто знает?

А может, воля и настойчивость впервые пришли к Алеше Улесову еще раньше, в те далекие дни, когда он семилетним подпаском вместе со старым хуторским пастухом Харитоном Никифоровичем Волкодзавым (как говорили хуторяне: «Дал же господь надежную фамилию пастуху!») гнал хуторское стадо в росную степь, к зеленым выпасам, поближе к Дону?..

Седобородый Харитон Никифорович строго и долго приглядывался к подпаску, поручал ему самых вредных коров, лукавил, притворялся спящим, а сам, приоткрыв слегка глаз, следил, не ленится ли Алешка, делом ли занимается или пищалки мастерит из листьев, а то и, разомлев под солнцем, прикорнул где-нибудь под кустом... Нет, Алеша не ленился, старый Харитон не раз убеждался в этом. А когда уже окончательно поверил в подпаска, решительно одобрил!

— Теперь я, сынок, спокоен: выйдет из тебя пастух!

В памяти Улесова осталось и другое. Может быть, и там были истоки его характера?

Ранней весной пастухи выгоняли скот на дальние пастбища. Трава тут была высокая, но нигде вокруг не было воды. Упорно ее искали. Глубоко рыли землю, нет и признаков никаких. Больше всех старались соседи Улесовых — казаки Пименовы. Люди передавали, что они пробивались на тридцать аршин, а все зря.

Уже Алеша был подростком, когда Пименовы начали искать воду в другом месте. Всей семьей рыли, терпеливо, настойчиво.

— Ну что, докопались? — спрашивал Алексей самого младшего из Пименовых, своего ровесника, Кольку конопатого. — Дошли? Мокро?..

— И ни росинки божьей, — угрюмо и степенно отвечал Николай, позаимствовав у своей бабки Анфисы и тон и слова ответа. — Одна сухота. Глина, как камень. Ломом ее бить надо.

Не докопались Пименовы. Терпения не хватило.

— Не сдюжили — и зря, — хмурился Харитон Никифорович. — Тут, Алеша, еще надо подналечь. Не отступать. Чует мое сердце: быть здесь воде. Иначе с чего бы тут тянулась такая сытая трава?!

Чабаны, и с ними молодой Улесов, не отступили — они пробивались к воде.

3

В жизни Алексея, в его мальчишеские годы, добрую веку оставил первый коммунист хутора Генералова молодой буденновец Саша Кузовлев. К тому времени подпасок Харитона Никифоровича уже успел окончить пять классов местной школы.

Кузовлев давно приглядывался к пастушонку. Сметливый, любознательный, он обращал на себя внимание буденновца еще тогда,

когда Кузовлев долгими зимними вечерами, за тусклым светом каганца, вел с отцом Алеши бесконечные разговоры о гражданской войне, о Советской власти, о новых декретах...

На хуторе начиналась новая жизнь. Демобилизованный конармеец вместе с активистами решил переоборудовать бывший дом хуторского атамана, бежавшего с деникинцами, под избучитальню. Алексей трудился на ремонте не меньше взрослых. В избучитальне обосновалась и комсомольская ячейка. Кузовлев организовал драмкружок. Поставил пьесу Островского «Бедность не порок». Народу набилось — от духоты пот прошиб всех. Алексей сиял — он играл роль Любима Торцова. Мужики одобрительно перемигивались:

— Вот тебе и Лешка! И иде, скажи, сукин сын, научился так прикидываться?!

Бабы ахали:

— Это же какую голову надо иметь, чтобы усе слова такие сердешные найти и сховать в мозгах своих?!

А Кузовлев похвалил новоиспеченного артиста по-своему:

— Теперь, Алешка, тебе прямая дорога в комсомол. Даю рекомендацию, и других поручителей найдем...

В избучитальне его и принимали в ячейку. Сначала Алексей рассказал про жизнь свою, про отца, про мать. И хотя совсем еще короткая жизнь Улесова-младшего прошла у всех на виду, слушали внимательно, а когда сельсоветский конюх поведал о том, что батька его от тяжких ран на гражданской войне скончался апрельским утром двадцать второго года, и сам запнулся на этом месте, Митька Горелов глухо заметил:

— Хватит, Алеха. Мы твою жизнь знаем...

Но на этом дело не кончилось. Теперь, на гребне зрелых лет, Алексей Александрович с улыбкой вспоминает тот далекий незабываемый день.

Кто-то из ребят тогда сказал:

— Надо Алеху еще проверить по политическому сознанию. Как он, кумекает што или телком ходит? — И тут же следом вопрос: — Скажи, товарищ Улесов, ежели мировой капитал двинется на Советскую власть, ты пойдешь за нее биться с белой гидрой?

— Пойду.

— А скажи, товарищ Улесов, — очень серьезно спрашивает Митька Горелов, — как ты лично относишься к Керзону?

— К кому?

— К Керзону. Чего, не слыхал, што ль?

Алексей и в самом деле про этого Керзона ничего не слыхал. «Что это, — думал он, — часть света, город какой или новая машина?» На помощь ему пришел секретарь ячейки:

— Этот Керзон живет за границей. Он кровавый враг международного пролетариата.

Улесов повернулся к Горелову:

— Так ты бы, Митька, так и говорил, а то заладил: «Керзон, Керзон». А я и думаю: может, какой новый «фордзон». И ежели он акула империализма, то я и отношусь к нему, как к акуле...

Алексея приняли единогласно.

Через год генераловские комсомольцы дали Улесову путевку в большую жизнь: его послали строить знаменитый Сталинградский тракторный завод.

Путь к тракторному лежал через ФЗУ. Алексей учился на слесаря. Дни бежали быстро. Заполненные учебой в классах и практической работой в мастерских, они были нелегкими, но проходили шумно, в веселых хлопотах.

«Фабзайцев» обучал опытный мастер, старый большевик, добрый и душевный человек Иван Прокофьевич Казлуков. Многому хорошему за два года научил он Алексея и его сверстников. Но, кажется, самым главным наследством от наставника остались его мудрые слова: «Металл живет своей особой жизнью...»

Эти слова поселились у Алексея на весь его рабочий век. Сначала они удивляли парнишку: как это кусок железа живет? Может быть, металл и дышит?

— Дышит, Алешенька, обязательно дышит, милый,— разъяснял Иван Прокофьевич и добавлял: — Металл может поддаваться и может оказывать упорное сопротивление. Может напрочно быть сильным и может, как человек, устать.

Как-то в сборочном цехе появился коренастый человек с большими и добрыми глазами. Он шел вдоль конвейера и так дружелюбно всех оглядывал, что могло показаться, будто этот энергичный мужчина, с улыбкой, прятанной в пышных усах, работает где-то здесь, если не в этом цехе, то наверняка в одном из соседних... Но вот Алексей присмотрелся к тому, кто подходил ближе, и вдруг припомнил, что уже видел этого человека раньше. Ну, конечно же, на снимках в газете видел его портрет...

— Товарищ Серго... Нарком наш,— успел радостно подсказать ребятам Иван Прокофьевич.

Нарком стоял уже рядом. Крепко пожал руку старому мастеру, спросил:

— Ну как, толковые ребята? Стараются? Выйдут из них рабочие?

— Выйдут, товарищ Орджоникидзе, непременно выйдут.

— Это хорошо, дорогой. Сами знаете, как нам теперь нужны кадры. Пятилетка настойчиво зовет. Никак нельзя терять времени...

Зоркие глаза товарища Серго ласково всматриваются в каждого «фабзайца».

— Милые ребята! — В глазах народного комиссара добрые огоньки. — Да, нашей стране очень нужны рабочие. И, знаете, какие?

Мгновение он молчит, — словно желает услышать ответ на свой вопрос от самих ребят. Однако мальчишки, оробевшие от встречи с этим выдающимся человеком, виновато улыбаются...

— Я вам скажу, дорогие ребята, — снова заговаривает народный комиссар тяжелой промышленности, — какие нашей стране нужны рабочие. Мне думается, что советский рабочий должен обладать такими качествами: первое — он всегда должен чувствовать себя хозяином на производстве; второе — он должен любить свое дело; третье — он должен быть трудолюбивым и всегда стремиться сделать сегодня лучше, чем делал вчера, а завтра лучше, чем сегодня. Словом, он должен быть сознательным рабочим. И я верю, что из вас выйдут такие. Верно говорю? Выйдут?

— Выйдут, товарищ Серго, — негромко шепчет Алеша и слышит эти же слова из уст своих товарищей.

4

ФЗУ осталось позади. Алексей работает на Сталинградском тракторном — слесарь четвертого разряда. Задания выполняет. Исполнительный. Со временем не считается. Надо — идет на самый трудный участок.

— У этого парня — золотые руки, — говорят о нем опытные мастера. — А главное — смекалистый. Качество дает — будь здоров!

Улесовым довольны. Но странное дело — чего-то недостает самому Улесову. Слесарь — это хорошо. Алексей сам выбрал эту специальность и не жалел о своем выборе. Однако с некоторых пор сердце молодого слесаря властно потянулось к одному человеку, которого в цехе называли волшебником. Он и в самом деле был похож на сказочного героя, окруженного ярким, слепящим светом. Над ним то и дело вспыхивали горячие искры, и он спокойно, бесстрашно, не обращая внимания на эти обжигающие искры, выполнял свое огненное дело.

Сталинградского электросварщика звали Владимиром Никулиным. Молодой хозяин голубого огня ходил в брезентовой робе. Кепка повернута козырьком к затылку. Потом, спустя некоторое время, Алексей спросит у Никулина:

— А чего это ты, Володя, козырек повернул в другую сторону? Так красивее, что ли?

— Без козырька больше видно, — замысловато, с лукавой улыбкой ответил Никулин. — Он мне горизонты закрывает...

Какие имел в виду «горизонты» электросварщик, Улесов не сразу понял. Одно было ясно: козырек — в те годы они были широкие и длинные — мешал ему.

— А я думал, наоборот, козырек предохраняет лицо от искр.

— А щиток для чего! — объяснил Никулин. — Он и прикрывает меня.

Алексею нравились спокойные, размеренные движения электросварщика. Вот он включает аппарат, вставляет в держатель электрод, прикрывается щитком и начинает варить. И сшивает огнем два листа толстой стали.

— Есть в этом человеке что-то от солнца, — мечтательно сказала Алексею ученица Лика Рожкова, когда он однажды заговорил с ней о Никулине. — Знаешь, он словно вырабатывает маленькие кусочки солнца. И эти голубоватые светлячки несут людям тепло...

Алексей знал, что хорошенькая, стройная Лика, с выразительными, лучистыми глазами, тянется к необычным, возвышенным сравнениям, любит фантазировать о том, что будет через сто или двести лет. Недаром заводские комсомолки незлобиво говорили о Рожковой, что она частенько витает в облаках. А в душе он соглашался с Ликой — в профессии Никулина действительно было что-то от солнца.

С восхищением смотрел Алексей, как красиво работал Володя. На мгновение электрод прикоснется к металлу, вспыхнет огненная дуга, парень неторопливо ведет электрод по зазору, а когда он кончит свое голубое колдовство — глаз не отведешь от синющего, волнообразного огненного шва, прочность этого шва не сотрется во веки веков.

Никулин хорошо заметил, куда устремилась Алешкина душа.

— Хочешь? — спросил он Алексея, и тот по одному этому слову понял, о чем идет речь.

— Очень, — скорее не ответил, а выдохнул с отчаянием Улесов.

С той поры начались уроки электросварки. Они были довольно мудреными. Никулин стал первым учителем Улесова.

5

В 1939 году Алексея призвали в Красную Армию. Служил он на Дальнем Востоке, в пехотном батальоне.

Как-то потребовался срочный ремонт автомашины — лопнула рессора.

— Кто может быстро устранить аварию? — спросил командир.

— Я, — поднял руку Алексей.

— Ты сварщик?

— Нет.

— А кто?

— Красноармеец.

— Я спрашиваю — по гражданской профессии?

— Слесарь.

— Но тут нужен электросварщик...

— А я немного кумекаю. Разрешите?

— Давай. Посмотрим, какой ты сварщик.

Улесов взял электрод, заложил в электродержатель и быстро заварил трещину. Внимательно оглядел шов. Обращаясь к шоферу, который с нетерпением ожидал сшитую огнем рессору, вдруг сказал ему словами, когда-то услышанными от сталинградского электросварщика:

— Получай свою рессору. Теперь будешь ездить на ней до самых морковкиных загонин.

Тут вмешался в разговор опытный механик, заведующий гаражом:

— Подожди, Улесов, не торопись. Дай погляжу, какую ты кашу сварил, как ты кумекаешь...

Он долго и внимательно оглядывал сваренное место. Помолчал и без тени улыбки заключил:

— Об ином говорят, что он в рубашке родился. О тебе — другое, Улесов: ты родился с электродом в руках. Хочешь работать в наших мастерских?

— Электросварщиком?! — Алексею стало трудно говорить. — Да это мечта моя... Хотя с этой минуты, товарищ завгар...

В годы военной службы красноармеец стрелкового полка Алексей Улесов вступил в ряды Коммунистической партии.

Он по-прежнему на Дальнем Востоке. А на западе, на Украине, на родной донской земле идут ожесточенные, кровопролитные бои. Фашисты рвутся к республикам Закавказья, к бакинской нефти. Улесов подает начальству рапорт с настойчивой просьбой отправить его на фронт.

— Здесь тоже фронт, — сухо вато отвечает командир.

— Товарищ командир, там другое, совесть меня туда зовет.

— А меня, думаешь, в другую сторону? — Мгновение командир молчит и уже другим, более ровным голосом заканчивает: — Успокой свою совесть, Улесов, скажи ей, что броня, которую ты варишь, — на танках, эсминцах, на подводных лодках, на тральщиках, это тоже сражение, да еще какое...

6

Прошло несколько лет. После девятилетней разлуки с родным краем, в 1948 году, командир минометного расчета, коммунист, уже опытный электросварщик сержант Алексей Александрович Улесов вернулся на Дон.

...Обняла тридцатидвухлетнего сына, прижала к груди и плачет мать Фекла Федоровна. Да Алешенька ли это! Как изменился, раздался в плечах, возмужал ее сынок. Плачет мать, плачет от радости и плачет от печальных своих рассказов, от горя пережитого, от тех задымленных четырех военных лет, в которые столько бед вместились, что и мер таких нет, чтобы измерить их.

Фашисты порушили хутор. Сожгли хату. Измывались над жителями. Пороли людей, пытали, расстреливали, вешали. Скольким суждено было не дожидаться победного рассвета, сколько мужиков, сколько казаков из хутора Генералова осталось под серыми холмами придорожных могил... И впрямь — ах ты, степь широкая, степь родимая, если б ты поведала о сынах своих...

Фекла Федоровна и сестра Алексея, Клава, бежали из разоренного Генералова в станицу Потемкинскую, нашли кров у отзывчивых людей...

— А что с Сашей Кузовлевым? Жив? — затаив тревогу, спрашивает Алексей.

— Погиб на фронте.

Улесов молчит. Как поверить в то, что нет больше такого серьезного, спокойного и такого веселого вожака хуторских комсомольцев?! Алексей называет другие имена. Ответы разные, больше печальных.

— А что стало, маманя, с моим бывшим начальником, председателем сельсовета Иваном Михайловичем Зубом? Он-то пришел с войны?

— Нет, сынок. Иван Михайлович тоже не вернулся...

Много зла принесли фашисты, но землю русскую, землю советскую убить они не смогли. Возрождалась она из пепла, тяжело переводила дыхание и вновь расцветала, необоримая.

— Видишь, Алеша, сколько мимо станицы леса везут, сколько машин идет с Калача в сторону Цимлянской, — говорила Улесову мать. — Сказывают, там великая стройка затевается. И народ туда строительный валит. И незачем, выходит, тебе, сынок, искать работы в других краях. Ты бы, Алешенька, сам поехал на Цимлу да разузнал все...

И Алексей поехал. Узнал: между Доном и Волгой начиналась самая большая послевоенная стройка. Партия и народ решили претворить в жизнь вековую мечту — построить Волго-Донской судоходный канал, создать могучее степное море, поднять над донскими просторами сильную Цимлянскую гидроэлектростанцию.

Все пути строителей сходились в неведомом хуторе Соленом. Здесь был штаб. Туда и направился Улесов.

7

Стройка только начиналась. Прокладывали коммуникации. Алексей Александрович сваривал из труб широкие сани. На них привозили в Соленый стройматериалы из Зимовников.

Он был всюду, где требовался истинный мастер сварки. Теперь его уже называли художником голубого огня. Он возводил котельную

выполнял сварочные работы на строительстве бытовых помещений — его всегда можно было увидеть на самых горячих участках.

В район строительства по Дону на больших баркасах были доставлены два мощных энергопоезда. Улесов варил мост, на который настилались рельсы, и по ним ставились на свои места энергопоезда. Несколько месяцев продолжалась напряженная работа, связанная с монтажом этих важных объектов. Строители с нетерпением ожидали от энергопоездов ту живительную силу, которую они должны были дать.

Потом был экскаваторный парк. Тут он варил ковши, тракторы, бульдозеры, скреперы, катки... И каждый раз оценка улесовских работ была одна — сделано отлично.

Настал день, и главный механик стройки Дмитрий Георгиевич Иваницкий объявил Улесову:

— В котловане начинается монтаж арматуры. Теперь твое место, Алексей, там.

С господствующей высоты бетоновозной эстакады открывался весь котлован. По рельсам эстакады величественно передвигались восемь могучих порталных кранов. Они, словно пришедшие с другой планеты существа, спускали свои стальные хоботы-стрелы, ловко захватывали груз и легко переносили его на нужные места. Они же доставляли строителям арматуру и тяжелые бады с бетоном.

...Здесь, в котловане, двадцать пять лет назад я впервые и познакомился с Алексеем Улесовым. Имя электросварщика тогда было известно не только всей стройке, но всему тихому Дону, о нем щедро рассказывали местные и центральные газеты. В том году я написал свой первый очерк об Улесове. Меня сразу привлек обаятельный характер этого недюжинного, оригинального человека, жизнелюбие, разносторонность интересов, его всегда открытое сердце, редкий дар живого и веселого собеседника, мягкое остроумие, неиссякаемый юмор, сплав мужества и ума — эти качества, столь щедро отпущенные ему природой, венчались редчайшим трудолюбием.

В один из особенно удачных улесовских трудовых дней, помню, Цимлу облетела дерзкая новость:

— Слышали?! Улесов выполнил свое предоктябрьское обещание — за смену дал семь норм!

— Сколько?!

— Семь.

Не верилось.

— Уж не занижена ли норма?

— Нет, обычная сменная норма электросварщика.

На следующий день газеты подтвердили небывалый трудовой рекорд Алексея Александровича.

Мы встретились. Я сказал:

— Не сердитесь на меня, но семь норм за смену, согласитесь, это очень много. Небось, крепко устали?

В глазах улыбка. Чуть прищуренный взгляд. Эта, ставшая профессиональной, привычка щуриться пришла к Алексею от совершенно естественного желания защищаться от яркого голубого света, хотя, казалось бы, электросварщика надежно прикрывает предохранительный щиток.

— Конечно, устал. Кто работает, тот обязательно устает. Это точно так же, как бегун, пробежавший большую дистанцию, кладет язык на плечо и тяжело дышит. Кто не устает? Наверное, тот, кто ничего не делает. Впрочем, думаю, что и он устает. И еще думаю, что это самая отвратительная усталость — усталость от безделья.

Он помолчал и снова заговорил:

— Иной рассуждает: «План выполнил и хорошо. Отдыхай себе». К счастью, таких людей мало. Что такое план? План — это мой долг, моя обязанность, а то, что сверх плана, — вот это уже мой личный вклад в то, что мы строим. А строить надо быстрее. И чем быстрее мы построим гидроузел, тем слабее будут наши недруги. Они из-за рубежа внимательно следят за нами. Не зря ведь начальник строительства Василий Арсентьевич Барабанов говорит: «Мы не можем роскошествовать в сроках сдачи объектов. Не можем! Ни днем позже! Ни днем позже!...»

...Перед глазами те дни, когда Улесов работал в котловане, сваривал арматуру, огнем сшивал ее стыки, наращивал стальные переплетения. Мы частенько говорим: монтажники-высотники, даже в песне о них поется. Я помню Алексея Александровича как электросварщика-высотника. Он трудился на сорокаметровой высоте. Ловко повиснув на качающихся железных прутьях, он действовал уверенно, энергично и весело. Но вот его остановила какая-то важная мысль. Снял предохранительную маску — обветренное, загорелое лицо. Белесые брови его под высоким, горячим солнцем и вовсе порыжели.

Он словно висит в воздушном пространстве. Свободно оглядывается. Высотный пояс надежно держит его у металлических стержней. Невдалеке орудут голубыми огнями молодые электросварщики. Заботливо присматривается, как держат ребят пояса, правильно ли они пристегнуты, умело ли опираются парни в резиновых сапогах на стыки арматуры? Алексей Александрович не намного старше своих учеников-помощников, однако по-отечески тревожится:

— Покрепче привязывайтесь, хлопцы, а то с непривычки...

Предупреждение уместное. Сверху измеришь глазами глубину котлована — ох, как далеко земля, и всюду под тобой острые прутья арматуры, того и смотри, голова закружится...

Улесов оглядел молодых, надвинул предохранительный щиток и снова скупыми, точными движениями повел свой чудодейственный

электрод. Качество работы знает весь гидроузел. Прочность его сварки такова, что в испытательной лаборатории говорят:

— Скорее металл сломается на новом месте, чем огненный шов Улесова.

— В чем секрет вашей знаменитой прочности?

Улесов отвечал:

— Короткая дуга, повышенная сила тока.

Как просто! Однако люди знали: за этим лаконичным ответом — упорные творческие поиски, выдающееся мастерство электросварщика. Недаром ему поручались самые сложные, самые тонкие работы. А когда гидроузел уже возвышался над Доном, ему доверили поставить своим искусным электродом почетную, как бы последнюю точку на железобетонном теле первенца послевоенных больших строек.

Предстояла ответственная, ювелирная работа. Здание электростанции с двух сторон венчается высокими и красивыми башнями. К каждой из этих башен надо было приварить монументальные акротерии — скульптурные украшения. Такими украшениями стали знамена нашей Родины. Они были сделаны из бронзы. Не каждому мастеру доверяются сварочные работы на бронзе. — Улесову доверили, и он сделал их превосходно. Это была его, улесовская, роспись на знаменитом гидроузле, которому он отдал столько сил, столько тревожных раздумий...

...Когда над величественной донской степью восходит новый день и из-за самого дальнего края земли поднимается солнце, первые лучи падают на бронзовые знамена. Их и ныне называют улесовскими.

Каждый день эти знамена видят тысячи и тысячи людей. Можно понять радость Алексея Александровича, когда их впервые увидели его жена, дети, когда порадоваться звездному часу сына приехала Фекла Федоровна, и как горячо забилося его сердце, когда мать, взыскательно оглядев башни, тихо сказала:

— Хорошо, Алешенька, очень хорошо — красиво и аккуратно. Подойди, сынок, дай я поцелую тебя...

Он и сам как завороченный смотрел на свою фамильную цимлянскую реликвию.

8

После Цимлы вместе с другими волгодонцами Алексей Александрович отправился на строительство Куйбышевской гидроэлектростанции.

Просторный теплоход шел Цимлянским морем. Это был один из первых рейсов по степным морским просторам...

Строители с Дона прибыли в город Ставрополь, высадились на

левом берегу Волги. Новая великая стройка уже разворачивалась во всю свою мощь.

В первый же день Улесов получил задание: нужно срочно сварить трубы коллектора водосброса. Он быстро справился с поручением. Потом сшивал трубы, прокладываемые в траншее, варил арматуру первого шлюза... Рядом трудились известные цимлянские электросварщицы Мария Болдырева и Зоя Полякова.

Деятнадцатого сентября 1952 года Алексея Александровича телеграммой вызвали в Москву. Там его ждала большая радость. За доблестный труд на Волго-Доне Улесову было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот». Среди удостоенных столь высокой чести Алексей Александрович увидел и прославленного цимлянского экскаваторщика Евгения Симака.

...Куйбышевской ГЭС были отданы годы напряженного труда. Улесову часто думалось о том, что Цимла прошла через его жизнь как репетиция для грандиозного строительства на Волге. Сколько старых знакомых цимлянцев перекочевало сюда с маленького донского хутора Соленого! Порой казалось, что сам хутор Соленый переместился в Жигулевск.

На куйбышевской стройке Алексей Александрович познакомился с новым, ванным способом сварки. Его привезли на Волгу специалисты Московского опытно-сварочного завода. Убедился, что новшество более чем в десять раз сокращает расход дополнительного металла, вдвое уменьшает расход электроэнергии и электродов, заметно улучшается качество сварных соединений, а производительность труда увеличивается в три раза.

Улесов стал первым электросварщиком, применившим новый, чрезвычайно эффективный метод в условиях строительства. Лишь одна его бригада, работая по этому методу, сэкономила свыше миллиона рублей.

Успех Алексея Александровича подсказывает мысль о создании прямо на стройке всесоюзных курсов по изучению ванного способа сварки. Руководить учебой доверяют Улесову. Пройдет время, ученики его разъедутся по разным стройкам, и долго потом электросварщики с благодарностью будут помнить своего талантливого учителя и заботливого наставника.

Годы упорного труда, годы поиска, годы светлых итогов... Кто остановит их!? Нет такой силы. Снова душу его охватило глубокое волнение, когда летом 1968 года он читал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении электросварщика Улесова второй Золотой медалью «Серп и Молот». В Указе отмечалось, что это награда за вклад, внесенный Алексеем Александровичем в разработку и внедрение новых, прогрессивных приемов электросварки. Речь шла о ванной сварке.

Он работал, творчески обогащался, учился. В 1960 году окончил на Волге гидротехнический техникум и получил специальность техника-механика.

Улесов избирался делегатом XXI, XXII и XXV съездов партии. Жил не только семейными и личными радостями — с годами все ярче разгорался в нем широкий интерес к окружающему миру, к искусству, к литературе. Он прочел рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека». И тут ему вспомнилось, как на строительство Цимлянской ГЭС приезжал автор этого всемирно известного рассказа, как он ходил по гигантской строительной площадке, пристально приглядывался к тому, что делали рабочие, беседовал с ними, и была у этого человека такая сердечная расположенность к людям, такая покоряющая душевность, что всем, кто разговаривал с ним, казалось — да они давно знают его, он близкий и давний друг их... Тогда, на Цимле, с Шолоховым познакомился и электросварщик Улесов. Писателю понравился этот собранный, волевой человек, он так умело, так виртуозно владел электродом, что работу Улесова инженеры легко узнавали по его огненному почерку...

Слова одобрения, которые тогда, почти тридцать лет назад, высказал Михаил Александрович об электросварщике, запомнились Улесову на всю жизнь.

— Молодец, земляк, — сказал Шолохов. — Крепко ты оседлал своего огненного коня. Признаюсь, до сей поры мне не приходилось видеть такого искусного электросварщика из нашенских донских казаков. Ведешь ты огненные строчки превосходно!..

Но вернемся к рассказу «Судьба человека». События, описанные Шолоховым, потрясли Улесова. Шло время, а он снова и снова возвращался к рассказу. Внимание Алексея Александровича привлекли слова авторского посвящения: «Евгении Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года».

Ему захотелось узнать больше о женщине, которой выдающийся писатель посвятил свое произведение. Почему ей? Что связывало старую большевичку с его земляком, знаменитым художником слова? Встречались ли они когда-нибудь?

Находясь в Москве, Алексей Александрович разыскал Евгению Григорьевну. Ей уже тогда шел восьмидесятый год. Она рассказала:

— Шолохова знаю давно. Это было в 1928 году. Я работала в издательстве «Московский рабочий». Михаил Александрович принес туда первую часть «Тихого Дона». Прочла я несколько страниц и, пораженная, остановилась. Что за чудо?! Читала всю ночь, и чувство великого озарения постигло меня. Потом встретились с автором. Он был совсем молод, ему тогда было двадцать три года. Помню, стоит такой невысокий паренек, в кожаной куртке, с лихо надвинутой на голову шапкой-кубанкой. Книгу я, конечно, всем сердцем рекомендовала к изданию. С тех пор мы и подружились с Михаилом Александровичем...

Пришел день, и Куйбышевская гидроэлектростанция вошла в строй действующих гигантов.

Группа волжских электросварщиков, крановщиков, инженеров, техников изъявила желание помочь братьям-арабам в строительстве Асуанской плотины.

Улесов летит в Африку. С ним жена Мария Федоровна и младшая дочь Сашенька. Старшая дочь Лора и сын Анатолий оставались на родине.

Четыре года прожили Улесовы в Египте. Все здесь было иным: и климат, и земля, и сам уклад жизни. Всюду, куда ни повернись, пустыня. Она составляет девяносто шесть процентов территории Египта...

Надолго запомнился ему один из первых египетских вечеров. Он сидел у окна в гостинице и наблюдал, как напротив подъезжали к кинотеатру роскошные лимузины. Из них выходили богато одетые люди. А буквально рядом, под забором, спал на тротуаре человек. Возле него шумели оборванные, босые люди, копошились в грязи ребятишки.

Все было в диковинку Алексею Александровичу: и то, что во время сварки металл нагревался до незнакомых ему пределов, и то, что одновременно приходилось и работать и учить молодых арабов, быть переводчиком и терпеливо познавать нравы чужой страны.

Насмотрелся Улесов за четыре египетских года на многое. Особенно поражало, как работали дети. По двенадцать часов в день они таскали на голых плечах строительный камень, и носить его надо было бегом... А на ногах у мальчишки за всю жизнь, как родила его мать, не было обуви.

Солнце над древним Египтом раскаленное. Жара. Поначалу казак-электросварщик сомневался: выдержит ли? Выдержал. Выдержал, хотя к обжигающему солнцу сразу же прибавилась жара от горячего накала работы. Он трудился так, как везде и всегда, — старательно, напряженно, самоотверженно. Разве что душевного волнения за качество им сделанного здесь было больше, чем на родной земле. И это волнение чувствовалось куда острее. Оно и понятно: там, на Цимле или в Куйбышеве, ошибись он где-то, случись какая осечка — по головке тоже, конечно, не погладят, но там свои, пожурят, и, выправив неудачу, пойдет он дальше, к другому рубежу. Дома он прежде всего отвечал за свой участок, а потом за общие дела.

Здесь, в Египте, другое: все, что он делает, каждым своим шагом, каждой сваркой своей он отвечает за родную страну, за родной народ, который прислал Улесова сюда...

Сколько было за четыре года на африканской земле сложных производственных ситуаций, когда он задумывался: «Вот они, арабы,

сыны Египта, смотрят на то, что я делаю и как я делаю, и думают: сделанное этим русси амель, этим русским рабочим — сделано его народом, качество труда этого русси амель — качество русской работы...» Он понимал, что являет здесь собой русскую, советскую марку. Как же надо дорожить ею, высоко держать ее! Не подкачать!

Вот одно из африканских испытаний.

Алексей работал на водоприемнике, когда его внезапно вызвали к Александрову. К слову говоря, Александр Петрович Александров тоже был волгодонцем, трудился прорабом на строительстве Волго-Донского канала, а когда воздвигали Куйбышевскую ГЭС — работал там начальником участка.

— Алеша, дорогой, есть срочная работа, — энергично начинает Александров. — Понимаешь, на Нил пришли наши, советские автоматические баржи. Сборку производят арабы, но среди них нет подходящего сварщика, такого, как ты, и сборка недопустимо затянулась. Надо выручать. Давай, Алексей Александрович, весь Египет, понимаешь, вся Африка на тебя смотрит! — шутливо заключает он.

Улесов внимательно, как опытный доктор, прослушивал баржи. Оглядел, устранил замеченные недостатки, и вот уже первую из них выводят на середину Нила. Она движется, кажется, все нормально, однако, внезапно вздрогнув всем корпусом, угрожающе заскрежетав, останавливается. В чем дело? Все встревожены...

К Улесову подбегает его первый арабский ученик, Фoad, милый парень с испуганными глазами.

— Мохандес русси! — взволнованно, почти кричит он. — Мохандес русси! Касура!

— Да не мохандес я, — досадливо отвечает Алексей Александрович. — Понимаешь, не мохандес. Я же тебе говорил. Я — русси амель, понимаешь, русский рабочий.

Египетское слово «мохандес» означает «инженер». Улесов уже несколько раз объяснял Фoadу, что он не инженер, а рабочий. А Фoad, видя, что светлоголовый русси может делать все, не верит, что он не мохандес...

Фoad сказал «касура». Это «плохо, беда». Почему не срабатывает автоматика? Что с баржей? Что надо сделать, чтобы арабы увидели, как он преодолел касуру? Настойчиво искал Алексей решение. И нашел. Касура была ликвидирована. Оказывается, слишком короткой была направляющая кулиса. Когда на барже включилась автоматика, шток не доходил до верхней точки, клещи не разжимались, и баржа, нагруженная камнями, не могла открыться.

Неисправность устранили. Тяжелая баржа снова на середине Нила. Как говорится, вторая попытка. За испытанием напряженно следят и русские и арабы. Внешне спокойный электросварщик с донского хутора Генералова тоже озабочен томительным ожиданием.

И вот кнопка нажата. И тут же, словно разрезанные гигантским ножом, раскрылись обе половины днища. На глазах загудела, провалилась, ушла в глубину Нила тяжелая гора камней. Облегченно вздохнул Улесов. Заулыбались, глядя на него, арабские рабочие, шумно и одобрительно загомонили.

Рабочий Мохамед Али с каким-то просветленным лицом обращается к переводчику:

— Мистер Мантул, скажи мистеру Алексею. Мне пятьдесят, за свою жизнь Мохамед Али перевидел много всяких строек, много видел Мохамед Али разных инженеров: англичан, французов, американцев, бельгийцев... Мои руки управляли многими машинами. И Мохамед Али хочет сказать русскому брату: ваши машины самые красивые, ваши машины самые крепкие, ваши машины самые хорошие, но русские парни, пришедшие на Нил с Волги и Дона, аллах тому свидетель, еще лучше!

Однажды на Асуане Алексею вспомнилась строка из старой нашей песни: «...Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна». Что ж, подумал он, песня не устарела. Африка ему действительно не нужна, чтоб отнимать ее у кого-то. Но ему, Улесову, очень хочется, чтобы на всей планете и на земле Африки, в возрожденных пустынях Египта человек жил счастливо.

Уже знакомый нам Фoad спросил своего русского учителя:

— Скажите, мистер Алексей, у вас есть дети?

— Трое, — отвечает Улесов.

— Они учатся?

— Обязательно.

— Дети рабочего?

— Конечно. Они обязательно должны учиться. У нас закон такой.

По лицу Фoadа видно, что он не верит электросварщику, сомневается.

— Сколько денег надо платить за учебу в школе?

— Ни копейки. Бесплатно.

Фoad растерян. Молчит.

Теперь спрашивает Алексей Александрович:

— Ты женат, Фoad?

— Нет.

— А чего же?

— Не на что еще купить жену.

— Купить?!

— Я внес за нее только девятнадцать фунтов. Еще нужно внести сто девяносто. Когда внесу, получу право жениться. А разве у вас иначе?

Разговор переходит на другие темы.

— Мистер Алексей, — неожиданно спрашивает Фoad, — а когда

кончатся работы на Асуане, вы все свои машины увезете назад, к себе на родину?

— Нет, Фoad, это мы все оставим вам, чтобы вы дальше строили. Теперь сами сумеете.

— Я же говорил тебе, — замечает старый рабочий Махмуд. — Язык дел куда яснее языка слов. Ты что думаешь, русси, как тот богач в Каире?

Улесов просит рассказать о каирском богаче и узнает: оказывается, в Каире много лет стоит дом, не дом, а целый дворец. Стоит пустой, уже разрушается, но входить во дворец никому нельзя. Так завещал умерший хозяин.

Другой мир. Другая жизнь. И пока Улесов жил в Египте, его сердце всегда оставалось русским, всегда было на московской волне. И радостно становилось на душе, когда из приемника доносилась песня, адресованная тем, кто трудился на Асуане, а значит, посвященная и ему:

Жар пустыни нам щеки щиплет,
И пески забивают рот...
Напиши мне, мама, в Египет,
Как там Волга моя течет...

10

Пятое десятилетие голубая звезда электросварки счастливо светит Алексею Александровичу, пристрастно и неразлучно водит его по жизненным дорогам.

После Асуана был город Тольятти, потом Набережные Челны, и вот в шестьдесят лет он возвращается туда, откуда вышел в большой мир, — на родную донскую землю, к Цимлянскому морю, в тот степной город Волгодонск, недалеко от которого уже четверть века возвышаются над казачьим краем две памятные башни гидроузла. На каждой из башен — почерневшие от времени, гордые знамена из бронзы. Это его знаменитые акротерии, его рабочая честь. Золотые руки Алексея приварили эти знамена к башням. Они как символ цимлянского подвига.

Улесов вернулся домой. А на Дону — новая, захватывающая Всесоюзная ударная стройка.

Так куда же — на Атоммаш или на покой?

Улесовы не созданы для покоя.

Он идет на Атоммаш — на свою седьмую великую стройку. На каждой из прежних шести остался добрый след его — плотины, могучие производственные корпуса, мощные электростанции... Однако самое дорогое, что оставляет выдающийся электросварщик на пройденных рубежах, на каждой стройке, — это его ученики, живое

продолжение негаснущего огня. Среди тех, кто пошел по улесовской жизненной дороге, и его младшая дочь Сашенька. Она студентка сварочного факультета политехнического института. Как тут не сказать: в самое сердце дочери попала голубая отцовская искорка!

11

...Почти тридцать лет отделяет нас от тех незабываемых цимлянских дней. Вскоре после войны большими группами сюда приезжали донские писатели и журналисты, жили в хуторе Соленом неделями, долгими месяцами. Писали рассказы, очерки, репортажи о волгодонцах. И однажды, как бы оглядевшись, вдруг заметили: «Ребята, да мы здесь снова, как на фронте, как в ту суровую пору, когда были военными корреспондентами в дивизиях, полках, батальонах, ротах...» И снова журналистскую братию дружески окрестили «корреспондентским корпусом». Его составляли Виталий Закруткин, Анатолий Калинин, Георгий Шолохов-Синяевский, Павел Максимов, Петр Никитин, Илья Котенко, другие литераторы-фронтовики, в том числе и автор этих строк.

Приехал на цимлянскую стройку и бывший военный корреспондент «Правды» и «Красной звезды» Михаил Александрович Шолохов. Он написал тогда великолепный очерк «Первенец великих строев», опубликованный на страницах «Правды»...

Прошло два с половиной десятилетия, и я снова встретился с Улесовым. В пятидесятых годах он был, говоря житейски, молодым человеком. Конечно, ныне годы наложили на него свои осенние краски, но душа его, порывы этого неугомонного человека остались прежними — молодыми, наступательными. Пожалуй, с наибольшей полнотой о них можно сказать словами Николая Островского: «Только вперед! Только на линию огня!»

То же жизнелюбие в глазах, те же неустанные поиски в труде нового, та же надежная вера в людей, с которыми он трудится плечом к плечу, только разве прищур его пронизательных глаз стал мудрее да рыжеватые брови, наверное, от асуанского солнца стали белее...

И чаще, чем раньше, душа его тянется к молодым, он испытывает неумную радость, когда работает рядом с ними, без назидания, но с каким-то проникновением трогает их сердца точными, скупыми словами...

Да, теперь, с годами, у Улесова стало еще сильнее желание чаще встречаться с молодежью. Он любит беседовать с юношами и девушками.

— Знаете, ребята, слава — такая штука, которую трудно завоевать, но, — он дружески подмигивает своим молодым собеседникам, — еще труднее удержать.

Его высказывания часто афористичны.

— Дисциплина,— утверждает он,— это ось, вокруг которой все вертится.

В другой раз он сказал:

— Я так понимаю: если я бригадир или мастер, значит, должен работать лучше других. Должен.

Тяготение к молодежи, неутолимое желание растить умелую смену — эти качества беспокойного наставника привели начальство к простому выводу: а не предложить ли Алексею Александровичу преподавание в учебном комбинате? Пусть обучает сварочному делу совсем еще юных, только вступающих на рабочую дорогу.

Предложили. Он отказался:

— Без живой стройки, которую вместе с другими ставишь на ноги, которая на твоих глазах растет, мне нельзя. Дышать трудно...

Мы едем с ним вдоль Цимлянского моря, построенного и его руками. За рулем собственной «Волги» Улесов похож на ученого, на солидного профессора. Это след многолетнего творческого труда. Но вот дрогнули, сгустились у глаз хорошо знакомые мне морщинки. Такие морщинки рождаются на лицах от поисков, от беспокойных мыслей и добрых улыбок. В глазах только ему присущая, улесовская лукавинка.

— Заметили,— говорит он доверительно,— что в выходные дни я стал ездить на рыбалку, на охоту выхожу, и решили: «Пусть старик Улесов потихонечку преподает да побольше отдыхает». Наивные люди!— И снова прищуренные глаза с лукавинкой.— А ведь самое крепкое здоровье — это когда ты на самом любимом и самом дорогом тебе деле...

Он остался в родной стихии. Пошел в арматурный цех. В атомшавеской бригаде Алексея Александровича двадцать девять электросварщиков. Поговорите с ними. В каждом из них вы почувствуете правомерное достоинство, сознание принадлежности вашего собеседника к бригаде Алексея Александровича.

Ближайший помощник Улесова — электросварщик Николай Кретов. Сосредоточенный, волевой молодой человек. Всего несколько лет самостоятельной работы, но он уже умелый, опытный мастер голубого огня. Николай Кретов — коммунист, студент-заочник Новочеркасского политехнического института.

Электросварщик Анатолий Шавловский — немногословный, скромный парень. Наметанный глаз Улесова быстро определил: у Анатолия аккуратный почерк сварки, высокая культура огневого шва. Так же старательно, тонко работают Иван Марусок, Олег Мальков, Володя Евдокимов...

— Прочитал об Атоммаше в газетах, узнал, что за стройка,— рассказывает Евдокимов, голубоглазый, красивый юноша из Перми,— и немедленно сюда. Хоть и лет мне немного, однако успел я повидать знающих электросварщиков. Уже четвертый год работаю само-

стоятельно. Улесов — это совсем другое дело. Считаю, что мне повезло: я работаю рядом с ним, учусь у него. До встречи с Алексеем Александровичем понятия не имел о ванной сварке. Он научил меня и многих других своих учеников этой искусной стыковке. Алексей Александрович не только заботливый учитель на работе, он нам как отец в повседневной жизни. Если кто из ребят заболеет, что случится с кем, — Улесов уже пришел в дом, расспросил, душевно расположил, помог человеку. А что до профессии сварщика, то тут одно скажешь: король сварки он, да и все!

...Пишу об Улесове и думаю: трудно рассказывать о человеке, которого знаешь много лет. Трудно, потому что хочется поведать о многом, но разве раскроешь все стороны его недюжинного характера?

Говорят, что он добрый человек. Это верно. Добрый — в смысле открытый, широкий, радушный, щедрый. Но не добренький. Он бывает и сердитым, и эта сердитость идет от той же доброты, от желания видеть вокруг порядок, дисциплину, культуру труда, разумную хозяйственность. Он решительно выступает против того, что мешает движению вперед. С партийной страстностью вскрывает недостатки и тут за острым словом в карман не полезет...

Это было некоторое время назад. Возле арматурного цеха появился агрегат для точечной сварки. В такой машине нуждались электро-сварщики. Но время шло, а полученный агрегат по-прежнему стоял без движения.

В те дни в волгодонской городской газете под рубрикой «Письма рабочих» появилась статья с веселым названием: «Как мыши машину съели». В ней речь шла о законсервированном агрегате. Автор писал:

«Поскольку варить нам приходится сейчас в основном арматурную сетку, а агрегатом можно сварить сетку шириной без малого два с половиной метра и производительность его минимум в пять раз выше, чем производительность сварщика самого высокого класса, мы, понятно, обрадовались.

Это была у нас первая такая машина. Еще когда она стояла упакованная, Люба Казакова, наша сварщица, ходила вокруг и просила по очереди мастера, бригадира: «Меня поставьте, пожалуйста...»

Компрессор, необходимый для работы агрегата точечной сварки, в цехе уже был. Он обслуживал станок контактно-стыковой сварки и вполне бы справился с дополнительной нагрузкой, надо было только подсоединить новую машину. На это да на то, чтобы подвести воду для машины, должно было уйти, по нашим подсчетам, не более десяти дней.

Но службу главного механика и главного энергетика судьба нового агрегата волновала, по-видимому, куда меньше, чем всех нас. Дело затянулось. А когда наконец к сентябрю подготовительный этап был

пройден, оказалось, что машина работать не может: за три месяца мыши съели изоляцию на электрокадушках!»

Статья заканчивалась так:

«Машину подключить несложно. Проблема в другом: как «подключить» к заботе об использовании новой техники наши инженерные службы?

И еще один вопрос: для какой цели тратятся на эту самую технику такие огромные государственные деньги? Неужто для того, чтобы мышей кормить?!»

Под статьей подпись: «А. Улесов, мастер арматурного цеха».

12

...Коммунисты Атоммаша избрали Алексея Александровича делегатом XXV съезда КПСС. Вернувшись после съезда в родной коллектив, Улесов рассказывал:

— Впечатление огромное. Взволнован до глубины души. Сколько новых, светлых трудовых желаний рождает в моей душе содержательный, творческий доклад Леонида Ильича Брежнева! Чувствуешь новый прилив энергии, как-то особенно ярко и остро понимаешь, до чего же велика та сила, имя которой — партия, и как велика честь быть рядовым ленинской партии!

Обращаясь к молодым, он говорит:

— Для рабочего человека ничего нет главнее той работы, которую он делает сегодня, сейчас. Эта работа берет тебя всего — все твои силы, мастерство, выдумку. И если ты хочешь проверить, на что способен, чего стоишь, самое место для этого — большая стройка. Такая, как Атоммаш...

У него есть право призывать: этот человек в куртке и брюках защитного цвета, в синем берете на седьмом десятке лет по-прежнему сражается на передовой.

Временами он вспоминает, как строил Сталинградский тракторный завод, работал на нем.

— Помню, сорок три трактора выпускал на первых порах завод за смену. Мы, рабочие, знали, что этого мало. И тогда родился лозунг — «Тракторный строится — тракторный действует!». В сжатой форме он выразил нашу задумку осваивать производство параллельно со строительством.

Чуть прищуренные глаза электросварщика, обрамленные тонкой сетью профессиональных морщинок, лукаво заулыбались:

— Сила рабочих лозунгов давно испытана. Быстрее пошло строительство, увеличилось и количество выпускаемых тракторов. Так и теперь на Атоммаше. Боевой лозунг волгодонцев «Досрочно построим, досрочно освоим!» творит чудеса.

Недавно, в канун 75-летия Михаила Александровича Шолохова, в станице Вешенской выдающийся советский писатель встретился с группой рабочих Атоммаша. Среди шолоховских гостей был и Улесов. Встреча очень порадовала и электросварщика и писателя. Оба вспомнили свое первое знакомство на строительстве Цимлянской ГЭС, которое произошло двадцать восемь лет назад...

— Это хорошо, что ты, Алексей Александрович, по-прежнему в строю, — говорил Михаил Александрович. — Приятно слышать о тебе добрые вести. Старая гвардия не сдает боевых позиций. С радостью узнал, что тебе присвоено звание «Почетного атоммашевца».

Писатель сердечно поздравил Алексея Александровича.

...Почетный атоммашевец, заботливый наставник молодых рабочих, дважды Герой Социалистического Труда.

Две Золотые Звезды. Он редко носит их. Разве что в дни больших праздников. Но и без них, без этих высоких знаков всенародного признания люди хорошо знают его...

Мне говорили: в хутор Генералов приезжали известные люди — скульптор и архитектор. Они внимательно вглядывались в хуторские улицы, в старые и новые дома, в окрестную степь...

Они вглядывались в Улесова, в его жизнь — прошлую, настоящую, будущую. Они думали о нем. И рядом с живым, обаятельным Алексеем Александровичем выходил на хуторскую площадь, шел к своим благодарным потомкам такой же, только отлитый в бронзу наш настоящий человек.

ГВАРДЕЙЦЫ АТОММАША

1

С юношеских лет помнятся мне слова Алексея Максимовича Горького — «чудодейственная сила», — слова, которыми великий пролетарский писатель называл энергию нашего народа, преобразившего старую, патриархальную, убогую Русь.

Примечательные горьковские слова невольно овладевают душой, когда ты видишь, что творит чудодейственная сила партии и народа на просторах казачьего Дона.

Пятый год судьба оказывает мне честь быть с теми, кто возводит невиданный завод, равному которому не знает история. «...Здесь встречаются нынешний день и будущее», — сказал об Атоммаше президент Академии наук СССР, выдающийся ученый-физик, трижды Герой Социалистического Труда А. П. Александров.

Летопись Атоммаша — это не только рытье котлованов под корпуса, которые называют голубыми айсбергами, не только взметнувшийся к небу лес металлоконструкций или 185-метровая труба заводской ТЭЦ — главная вершина атоммашевского хребта; это не только те вдохновенные дни, когда крылатая стройка со сказочной быстротой поднимала древние пласты «Дикого поля», как называли в старину целинные просторы Дона, — это и рождение новых человеческих душ, новых человеческих взаимоотношений, это становление и закалка новых людских характеров.

О Волгодонске уже не раз писали: «Приедешь в город через год — увидишь столько изменений, что и не узнаешь его». Думается мне, что устарел такой образ. Куда правильнее: приедешь через неделю, а то и через несколько дней и, пораженный, остановишься — а не обознался ты, не перепутал ненароком кварталы?!

Здесь в буквальном смысле все меняется на глазах. Меняются люди. Другим стал их облик: они окрепли, возмужали, набрались опыта. Они подняли завод, завод поднял их.

Вот только несколько страниц атоммашевской жизни одного моего, теперь уже старого знакомого, бригадира цеха парогенераторов, что в Главном корпусе, Вячеслава Михайловича Алексеева.

В конце знойного июля 1979 года Вячеслав вместе с ребятами своей бригады выполнял очень важное поручение — алексеевцы вели первый боевой шов.

Первопроходцев поздравлял весь завод. Заместитель министра энергетического машиностроения, генеральный директор производственного объединения Атоммаш Валерий Григорьевич Першин говорил:

— Мы знали, кому доверить такой рубеж. Все рабочие бригады — опытные сварщики. Сам бригадир, коммунист Вячеслав Михайлович из тридцати прожитых лет десять отдал сварке. Мы не ошиблись. Бригада отлично выполнила ответственное поручение. Первый шов, который они провели на обечайке, — это действительно боевой шов.

И вот в заснеженный январский день мы снова встретились с Алексеевым. Да, минувший год был добрым. Как славные вехи остались позади успешный монтаж нескольких сварочных установок, безукоризненная сварка первых деталей корпусного оборудования. И сколько еще потом было этих первых шагов у бригадира и его друзей — первый кольцевой шов на обечайке, первый блок парогенератора, первая антикоррозийная наплавка...

— Но это все бригада, наш цех, наш завод, — с хозяйской гордостью поясняет Вячеслав Михайлович. — А посмотрите на город, посмотрите, что делается в Волгодонске, какими темпами растет он. И хотя каждый шаг дается сложно, трудно, не все идет гладко, город растет, поднимается, неудержимо выходит на новые донские просторы... Вот посмотрите на этот девятиэтажный дом. Видите? Еще

минувшим летом буквально рядом с ним клонила под ветром хлебная нива, шумела горячая страда, а теперь, видите, какие поднялись новые жилые корпуса...

Вячеслав Михайлович прав. У Волгодонска свои измерения, свои скорости, свои шаги. Да это и понятно. Волгодонск — город юности.

Начальник областного штаба строительства Атоммаша, председатель Ростовского облисполкома Николай Михайлович Иваницкий приводит красноречивые факты:

— Средний возраст жителя города — 24 года. Атоммаш, по существу, строится всего лишь пятый год. За это время население Волгодонска выросло в четыре раза. Вот факты: в июне 1978 года в городе проживало сто тысяч человек, ныне — свыше ста двадцати тысяч...

2

Атоммаш! Могучее, динамичное слово. Теперь оно широко известно не только в нашей стране, но и далеко за пределами Родины.

Окинем взором лишь некоторые рубежи, взятые атоммашевцами. Строительство завода было в разгаре, когда эксплуатационники незаметно, без широковещательных сообщений начали осваивать первые производственные мощности.

Потом пришел более значительный успех. Под монтаж досрочно были сданы сто тысяч квадратных метров производственных площадей. И сюда, сменяя строителей и монтажников, не теряя ни одного рабочего дня, пришли производственники.

Конечно, еще не все точки были поставлены на свое место. Половина пролетов главного корпуса еще «простреливалась» взглядом насквозь. И все же для него, для главного корпуса, или, как еще его называют, для корпуса номер один, 28 октября 1977 года стало днем пуска. Настойчиво монтировались станки, линии, сложнее отечественные и импортные установки. Атоммаш строился и уже работал.

Пятнадцатого августа 1978 года в цехе корпусного оборудования началась отработка технологии изготовления сложных деталей корпуса реактора. Тот день атоммашевцы назвали днем первой стружки. Эта стружка оценивалась высоко. Не зря стальные куски кудрявых завитушек рабочие и инженеры уносили домой как дорогой и памятный сувенир... Ведь этой заготовке предназначалось в будущем стать одной из четырех обечаек корпуса атомного реактора. В тот незабываемый день резец опустил на поверхность тридцатипяти-тонного «колёска», и под радостные возгласы атоммашевцев потекла первая золотистая стружка. Так началась механическая обработка первых изделий для атомных электростанций.

Атоммаш наступал. Прошло еще четыре месяца, и 18 декабря 1978 года была одержана новая победа — создатели флагмана отечественного атомного машиностроения досрочно ввели в действие производственные мощности по выпуску трех миллионов киловатт современного реакторного оборудования. Государству была сдана первая очередь завода-гиганта.

Все решительнее наступали эксплуатационники. Все зримее становились шаги заводчан. Первый запущенный станок, первая стружка, и вот в июльские дни 1979 года рабочие и инженеры подошли к решению одной из наиболее сложных проблем — выполнению первого боевого шва.

Секретарь парткома завода Леонид Иванович Попов рассказывал мне:

— Изучение операции первого сварного шва шло годами, и ее настойчивое освоение сначала проходило в заводской лаборатории сварки. Здесь обучались и проходили стажировку сотни сварщиков. Проведение, как тогда говорили, боевого шва было доверено лучшим из лучших — людям постоянного творческого поиска. Еще в дни подготовки этого значительного экзамена ценные предложения высказали рабочие Владимир Лысенко, Анатолий Филиппов... Каждый сварщик старался внести свою лепту в обеспечение нового рубежа. Надо было видеть, с какой, я бы сказал, государственной ответственностью вели сварку Юрий Пирожков, Валентин Касьянов, Владимир Коршунов, Сергей Рябов, Игорь Резаев...

Передовую бригаду, как уже было сказано, возглавил коммунист Вячеслав Алексеев.

Я видел, как сварщики Алексеева прокладывали первый шов. В напряжении были не только они, не только рабочие Главного корпуса, а, пожалуй, весь заводской коллектив. Здесь были и первый секретарь Волгодонского горкома КПСС, бывший моряк-черноморец Игорь Федорович Учаев, и мэр города Волгодонска, тоже бывший моряк, только с Тихоокеанского флота, потом рабочий-строитель, партийный работник Александр Егорович Тягливый...

— Сегодня у вас памятное событие? — спросил я тогда у Вячеслава Михайловича Алексеева.

— Очень. Делаем первый значительный шаг и понимаем, что это не только наш шаг, шаг бригады, это новый шаг всего Атоммаша.

Бригадир произнес эти слова спокойно, без аффектации, но во взгляде его я увидел волевую собранность, ясную устремленность. Этого дня ждали давно, так давно, что, скажем прямо, перед каждым сварщиком, помимо всего, еще было и преодоление психологического барьера... Возьмем новый рубеж? Справимся? Не отступим?

...В цехе парогенераторов царила необычная обстановка. Чувствовалась и радость от сознания, что пришли к знаменательному рубежу, и напряжение от огромной ответственности, легшей на плечи

сварщиков. Размеренные, точно рассчитанные действия. Похоже, будто трепетное ожидание хочет остановить время. Но разве это возможно?! Однако если нельзя преградить дорогу времени, то пылающий накал нетерпения превращает секунды в минуты, а минуты в часы...

Нагревательщик Александр Миллов четко регулировал температуру нагрева. Она все время стояла на уровне 130 градусов, без отклонений от нормы. За этим строго следили не только глаза рабочего, но и чуткие приборы...

Первый боевой шов на обечайке Атоммаша был завершен...

За пультом управления стоял бригадир Вячеслав Алексеев.

3

В Волгодонск он приехал из Херсона. С этим городом у него связаны и детство и юность. Здесь учился в средней школе. После окончания ее работал шлифовщиком на хлопчатобумажном комбинате. Отсюда, из Херсона, ушел на военную службу. Конечно, чувство коллектива и силу коллектива Вячеслав познал еще в школе и на первой трудовой тропке хлопчатобумажного комбината, но настоящей школой жизни для него были годы армейской службы. Вот он где понастоящему узнал почем «фунт лиха». Армия как бы оттачивала, концентрировала лучшие стороны его характера. Она закалила волю, научила дисциплине, самообладанию, мужеству. Потом он не один раз с благодарностью вспоминал армейские испытания...

Отслужив, вернулся в родной город, пошел на Херсонский судостроительный завод. Тут и познал азы нелегкой работы сварщика. Все шло как полагается, но горячее сердце беспокойного Вячеслава жаждало новых дел, оно билось в ритме нашего стремительного времени. И тут до него долетел крик: «Атоммаш зовет!» Он пришел на просторы Украины из неоглядных степей тихого Дона.

Вячеслав откликнулся — Волгодонск открывался как край неисчислимых творческих возможностей. На донской земле со всех концов страны собирались сильные, инициативные люди. Они решили построить доселе невиданный завод, из ворот которого будут выходить мощные атомные реакторы.

Алексеев пришел в цех парогенераторов, разместившийся в гигантском Главном корпусе. Это было его место. Здесь трудились сварщики, и на их плечи падал наибольший объем работ при производстве атомных реакторов. Не зря ведь в это время на Атоммаше уже трудился прославленный электросварщик Советского Союза, дважды Герой Социалистического Труда Алексей Александрович Улесов.

Слов нет, трудна и ответственна работа электросварщика на судостроительном заводе, Вячеслав это познал на себе. Но насколько повышается ответственность сварщика при изготовлении

атомного реактора, — поэтому люди и называют эту профессию самой главной на Атоммаше.

Старые, обычные представления о сварке не отвечают атоммашевским требованиям качества. Здесь электросварщику нужны глубокие знания, подчас требуется инженерный уровень подготовки. Приходится иметь дело с автоматикой и электроникой. Вот почему парни из бригады Алексева имеют высокие производственные разряды.

При этом надо учесть и другое — при всех технических сложностях, в условиях которых работает сварщик цеха парогенераторов, ему еще надо обладать высоким даром профессионального чутья, той филигранной мерой живой человеческой интуиции, которую никогда не заменит машина и которая никогда и ни на йоту не подведет его в определении точно необходимой меры искусного мастерства. Именно такими редкостными человеческими качествами обладает Вячеслав Михайлович Алексеев.

Жизнерадостный, влюбленный в жизнь, в то, что он делает и чем наполнены его дни и годы, он с чувством осознанного и добытого в творческом труде достоинства увлеченно рассказывает:

— «Атоммаш зовет!» — этот клич обошел всю страну. Разве можно было не откликнуться на зов тихого Дона?! Будто набат ударил в молодые сердца. Тысячами устремились сюда ребята. Откуда только не ехали. Растет завод, растет Волгодонск, город юных, город энтузиастов. Они поднимают завод и уже выводят свои солнечные проспекты на берега Цимлянского моря... Да хоть бы моя бригада: я приехал с Украины, Володя Коршунов — из Ленинграда, Сергей Рябов — из Перми, Игорь Резаев — из Кизляра, Юрий Долгов — из Оренбурга... Вот и получается: Атоммаш позвал — и вся страна откликнулась!

Вячеслав говорил так, как рассказывают о чем-то личном, о страницах своей биографии, о том, что стало неотъемлемой частью его жизни. И чем больше я слушал, вдумывался в то, что поведал атоммашевский сварщик, все убежденнее говорил себе: да так оно и есть, это была биография Вячеслава, его жизнь, жизнь его товарищей.

Растет Атоммаш, растет Волгодонск, мужают, растут его люди. Приехав из сотен различных городов и сел, они обрели здесь свои гражданские крылья, по сути, основали свой, новый город, любят его, дорожат его честью и старательно украшают своим нелегким, вдохновенным трудом.

И за этот труд Родина воздает по заслугам.

Еще находясь в рядах Советской Армии, Вячеслав был удостоен первой награды — получил медаль «За воинскую доблесть. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». За годы трудовых подвигов на Атоммаше получил еще одну награду — медаль «За трудовую доблесть».

Вернувшись из армии на судостроительный завод, вступил в ряды Коммунистической партии. Сегодня он член партийного комитета завода, депутат Волгодонского городского Совета...

4

Атоммашевцы закаляются в труде, на конкретных делах. Крепнут организационные устои. Стабилизируются бригады. Истинная дружба, как цементом, сплавливает ряды.

...Инженер Валерий Енин пришел на Атоммаш издалека. Он окончил Алтайский политехнический институт. Судьба «по распределению» привела его на Бийский котельный завод. Но по сердцу Валерия тянуло на Дон, на стройку, о которой столько говорили вокруг. И он собрался.

Когда Енин приехал в Волгодонск, Атоммаш уже жил в двух измерениях: продолжалось строительство завода, и строящийся завод одновременно был действующим предприятием. Пущенный в эксплуатацию, Третий корпус уверенно набирал производственную силу — рабочие выпускали нестандартизированное оборудование.

Три года назад Валерий Енин и пришел в этот первый цех Атоммаша. Ему доверили обязанности мастера в бригаде Николая Хопрянинова. Огляделся, познакомился с людьми, старался без раскраски войти в рабочий ритм бригады.

— Народ там толковый, интересные есть люди, вот только дисциплина подводит их,— такое напутствие услышал Енин в отделе кадров.— За год три мастера сменилось. Что-то не держатся...

Бригада понравилась молодому инженеру. Смекалистые, имеющие опыт рабочие. У многих высокий производственный разряд. Если объединить таких людей единой целью, укрепить дисциплину,— они способны на большее, чем делают.

От глаз Енина не ушло и то, что кое-кто в бригаде поглядывал на него с лукавинкой, а то и с плохо скрываемой улыбкой. Взгляды некоторых как бы говорили: «Ты, брат, у нас четвертый. Недолго держались твои предшественники. Отступали перед трудностями. Посмотрим, каким будешь ты? Тоже временным?..»

Но Валерий не хотел быть «временным». Такие тут ребята, дело хорошо знают, работы не боятся и бригадир умелый. Так кто же виноват, что за год три мастера сменилось? Рабочие? А может, сами мастера, что сдрейфили перед первыми барьерами?.. Такие ребята, а уже дважды не вытянули планы...

«Нет, я не уйду»,— решительно сказал себе Енин. Как-то незаметно Валерий втянул бригадира Николая Хопрянинова в открытый мужской разговор. Как говорится, вещи назывались своими именами.

— Наверное, Коля, жить в «середнячках» не очень весело, — без обиняков объявил новый мастер. — Как думаешь?

Бригадир будто ждал этого разговора.

— «Середнячки» — это еще куда ни шло. — Видно было, что у Хопрянинова давно болит душа. — «Середнячки». Да мы вниз стали скатываться...

Разговор получился. Делились мыслями, высказывали предложения. Не на всем сходились. Однако в основном были единодушны: баста, отступать некуда, а главное — зачем отступать? Права на это нет. Решили собрать бригаду. В ней двадцать шесть человек. Пусть говорят, пусть все выскажутся. У каждого свое мнение, но задача у бригады одна, одна на всех: пора, пора выходить в передовые...

На нового мастера стали поглядывать с уважением, а главное — в чем-то конкретно помогать. Дела пошли лучше. И вдруг после такого доброго старта — ЧП, самый настоящий прокол: Васю Воробьева, одного из самых непогрешимых, подумать только, «любезно» отправили в вытрезвитель.

Опять собрались мастер, бригадир, позвали активистов. Судили, рядили... Кинулись выполнять план, на план поднажали, а про воспитание забыли. В парткоме порекомендовали избрать Совет бригады. Охотно согласились. Избрали в Совет пять человек.

Малейшее нарушение теперь выносилось на Совет. Там же, на Совете, решили переходить на коллективный труд. Но как это делать, с чего начинать? Много предложений. Долго спорили. Надо было сначала покачнуть, а потом и вовсе отодвинуть в сторону старый как мир принцип: «Каждый работает на себя». Казалось бы, кто в бригаде, во второй половине двадцатого века, мог усомниться в том, что коллектив сильнее одиночки?! Увы, нашлись такие.

Когда, по мнению подавляющего большинства, решили перейти на пооперационную обработку металла, кое-кто заколебался: а не снизит ли это заработок рабочего? Нет, не снизит, — так ответило само время.

Бригада теперь трудится по коэффициенту трудового участия (КТУ). Каждый член бригады выполняет на станке только ту операцию, на которой он может достичь наивысшей производительности труда. Итоги усилий суммируются, и положенная всем вместе заработная плата за выполненную работу делится между участниками бригады, но непременно по главному условию: по коэффициенту трудового участия каждого в общем труде. Постепенно рабочие увидели преимущества нового метода — возросла производительность, окрепла дисциплина, выше стала культура производства, больше стал заработок. Скептики начали капитулировать, и через два-три месяца сторонников старого принципа уже не было.

Возникает вопрос: как же ведется точный подсчет КТУ?

Валерий Енин и Николай Хопрянинов ввели книгу учета, в которую Совет бригады, мастер и бригадир регулярно вносят свои

записи. Скажем, за опоздание на работу сбрасывается от 0,1 до 0,5 балла — в зависимости от того, на сколько минут опоздал станочник.

Успехи бригады стали примечать. Прошло некоторое время, и она первая на Атоммаше получила фонд мастера. Такой фонд — хороший рычаг в руках мастера и бригадира. Совет использует его на премии, на то, чтобы преподнести подарки в день рождения «виновникам» торжества, на другие оправданные расходы.

Прошли первые годы. Бригада живет и работает по новой форме труда. Успехи налицо. Коллектив, возглавляемый мастером Валерием Ениным и бригадиром Николаем Хопряниновым, опережает трудовой календарь.

Взаимопонимание. Как просто, но какая реальная сила живет в этих благородных отношениях единомышленников. Каждый из них отстаивает свою трудовую честь, а все вместе они возвышают славу Атоммаша.

5

В наш век говорить о быстротечности времени — значит рассуждать о прописной истине, философствовать о самом банальном. Но всегда ли так?

Может быть, на этот вопрос я бы ответил утвердительно, если бы не было на свете такого города — Волгодонск. Жители Волгодонска, оглядывая свой сказочный чудо-город, не боятся быть банальными.

Еще несколько месяцев назад прохожие месили вот здесь вязкую, по колено, глину. Теперь тут высокие благоустроенные дома, широкая, красивая, заасфальтированная улица...

В другом месте тоже еще недавно был пустырь, а ныне стоят, сверкая огнями, прямо-таки столичный большой «Универсам», красивое привлекательное кафе «Надежда», Дом быта, убегают в голубую даль только что народившиеся белые жилые кварталы...

Кажется, вчера еще волгодонцы старательно выглаживали отнятую у целинной степи побуревшую землю, шумели бульдозеры, срезая безымянные высотки и небольшие, поросшие травой бугры, а сегодня по узким рельсам детской железной дороги весело бежит паровозик, на груди которого написано: «Малютка». Он легко тянет за собой уютные вагончики. В них сидят главные жители города — ребятишки, законные хозяйки новой стальной «магистральной», и посвящающий время от времени «Малютка» бежит не по степи, а по рельсам Волгодонского городского детского парка Дружбы...

Темпы непостижимые! Мы стоим на новой благоустроенной улице с председателем горсовета Александром Егоровичем Тягловым и то и дело припоминаем:

— А помните, тут «МАЗ» застрял в грязи...

— А там после ливня переходный мост снесло, не забыли?..
Этих «помните» и «не забыли» в нашем разговоре много. Но, пожалуй, самое удивительное в том, что мы говорим о новом Волгодонске, о той части города, первый дом которого был заложен всего лишь 15 января 1976 года, то есть с тех пор еще не прошло и пяти лет...

Молча всматриваемся в большой современный город, взметнувшийся над Цимлянским морем. И как тут не вспомниться прекрасной песне моего теперь уже далекого детства: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

Волгодонцы претворяют сказку в быль на донской земле. Они съехались сюда со всех концов Отчизны. С ними вместе приехал и мой собеседник, председатель Волгодонского горсовета. Я знаю его четыре года. Александр Егорович — еще молодой сорокалетний мужчина, высокий, по-юношески стройный, рано поседевший — теперь уже не мог бы жить без Атоммаша. Столько пережито здесь, столько душевных сил отдано корпусам исполина, а главное тем, кто жил и работал с ним рядом...

Испытания... Их было много. Но спросите Александра Егоровича о нелегкой дороге, пройденной им на гигантской стройке, и он с присущей ему доброй улыбкой скажет:

— Так ведь без них, без испытаний, и радостей не было бы... Что за победа, если она легко далась?!

Он приехал из Таганрога. Когда я думаю, что осталось за его спиной, когда он прощается с родным городом, мне открывается, почему именно он в первые годы стал вожакom коммунистов Всесоюзной ударной стройки.

Родился в приазовском селе Алексеевка. Труд познал в родном колхозе. Ходил в школу, а в свободные часы бегал в колхозную мастерскую. Подрос. Уехал на ближайшую шахту. Из Донбасса — на военную службу — на Тихоокеанский флот. Вернулся коммунистом.

Пошел в строители. Плотник Таганрогского строительного управления. Комсомольский вожак. Бригадир. Строил знаменитый трубопрокатный цех Таганрогского металлургического завода. Отсюда вернулся в строительное управление, где начинал плотником. Бывшего плотника назначили начальником управления. Через два года жители Таганрога избрали Александра Егоровича председателем Орджоникидзевского райисполкома.

Шахтер, моряк, строитель, народный депутат — годы постоянного общения с людьми, служения народу, знание человеческих характеров, умение прислушиваться к голосу рабочих — эта великолепная школа с годами окрылила Александра Тяглого, и когда он услышал призывный клич: «Атоммаш зовет!» — его не могло не потянуть к строящимся корпусам первенца отечественного атомного машиностроения.

Коммунисты стройки избрали его секретарем парткома. Вместе со всеми атоммашевцами делил он общую радость, когда был пущен Третий корпус завода. Потом в строй победно входил Главный корпус. На освоенной части исполнинского корпуса, как бы начиная перекличку с Третьим корпусом, монтажники собрали могучий токарный станок. На его широкой металлической груди было написано «Я — первый!».

Потом были досрочно введены в действие производственные мощности по выпуску трех миллионов киловатт современного реакторного оборудования. К этому рубежу тридцать тысяч атоммашевцев, из которых две тысячи пятьсот были коммунистами, вел партком стройки.

Помню, вместе с торжествующими рабочими, с радостью возбужденным секретарем парткома шел я по Главному корпусу.

— Да нет, вы взгляните в глубину корпусного пролета, — показывал рукой куда-то вдаль Александр Егорович. — Вы такого никогда не видели. Смотрите — дух захватывает...

Тягливый был прав. Трудно было найти слова, чтобы описать величие донского исполина. В Главном корпусе на сотни и сотни метров убегала голубая дымка, озаренная бесчисленными огнями лампочек. Будто звезды вспыхивали под высоченной крышей корпуса, конца которого не было видно... Подумалось, вот он, воистину производственный корпус коммунистического времени. Вдали, будто в открытой степи, синее горизонт...

Жизнь стройки, ее события, судьба строителей, их быт, взаимоотношения, конфликты — да был ли хоть один серьезный вопрос, который мог бы остаться вне поля зрения парткома и его секретаря Александра Егоровича Тягливого?! Он хорошо знал людей, очень многих поименно, знал бригады, рабочих, мастеров, техников, инженеров, начальников участков... К нему шли с просьбами, а чаще — за консультацией, за добрым советом.

Как-то, еще в дни строительства Главного корпуса, к Тягливому пришел коммунист Анатолий Алексеевич Аношкин — известный на Атоммаше бригадир одной из передовых комсомольско-молодежных бригад монтажников.

— У меня вот какое дело, — решительно начал щуплый, невысокого роста мужчина. — На моих монтажников фронт строительных работ ведет комплексная комсомольско-молодежная бригада Куракина. Небось, слышали?

— Конечно, кто же не знает Леонида Павловича?! У него хорошие ребята...

— Так вот, эти хорошие ребята, — Аношкин чуть посуровел, — вяжут нас по рукам и ногам.

— Как это? — не понял Тягливый.

— Очень просто. Они наши смежники и все время сдерживают мою бригаду.

— С Куракиным не говорили?

— Нет.

— Оба коммуниста. Могли бы и объясниться.

Тягливый посмотрел на часы, встал из-за стола.

— Поехали к нему.

Беседа двух бригадиров, в которой принял участие и секретарь парткома, поставила все на свое место. Объяснились, поговорили по душам, и выход был найден. Куракинские бетонщики и плотники-бетонщики нашли общий язык с электросварщиками и монтажниками Аношкина. Бригады подружились. Смежники развернули деловое, гласное соревнование, в котором не стало отстающих. Всей стройке известны их добрые дела. Бригады перевыполняли свои нормы в 2—3 раза. Впрочем, о том, как они трудятся, не лучше ли всего говорить награды?!

Анатолий Алексеевич Аношкин награжден орденами «Знак Почета» и Трудовой Славы III степени, а Леонид Павлович Куракин — орденом Трудового Красного Знамени. Оба заочно окончили строительный техникум. К слову говоря, бригада Леонида Куракина долго держала в своих руках переходящий приз журнала «Огонек» «Мирный атом». Однако ребята Аношкина решили во что бы то ни стало найти ключи к «Мирному атому». Решили и завоевали желанный приз. По итогам соревнования он перешел от друзей-смежников к монтажникам...

Да, время стремительно. Атоммашевец Александр Егорович Тягливый — ныне председатель Волгодонского городского Совета народных депутатов. Он, как и его подопечные Куракин и Аношкин, удостоился правительственной награды. Тягливый награжден орденом Трудового Красного Знамени. Орденом Октябрьской Революции награжден и первый секретарь Волгодонского горкома партии, вчерашний моряк-севастополец Игорь Федорович Учаев.

...Строители Атоммаша и эксплуатационники, взнуздавшие свои цехи, — на хорошем творческом взлете. Растет завод, растет Волгодонск, растут его люди.

В Главном корпусе я познакомился со своим земляком, ростовчанином Борисом Бекетовым.

— Знаете, стройка сразу захватила меня. — Глаза его поблескивают, в них твердая решимость. — Завод небывалый, а город — такой поискать надо. Ростов я люблю, не скрою. Первое время даже хотелось вернуться, в родной институт тянуло. Но Волгодонск перетянул. Столько тут интересного, невиданного, и я остался. Посмотрите, на каком оригинальном объекте работаю.

И он кивает в сторону невиданного сооружения.

— Что это?

— Камера дефектоскопии,— поясняет Бекетов.
— Нечто похожее на рентгеновский аппарат?
— В полном смысле. Рентгеноскопия. Только не человека, а металла. Она просвечивает металл, определяет, есть ли в нем раковины: в металле, в узлах, в деталях, предназначенных для реакторов.

Ничего себе «рентгеноаппарат»! Высота камеры, у которой мы стоим, камеры, так похожей на огромную квадратную башню,— 16 метров. В тело ее влито свыше 10 тысяч кубометров бетона.

...Атоммашевцев окрыляет сознание советской национальной гордости, чувство братского интернационализма. То, что они делают, должно быть добротным, высококачественным, безукоризненным, не должно уступать лучшим мировым стандартам. Больше того, социалистической марке полагается быть впереди. И это не просто красивые слова, это практические дела, будни Атоммаша.

Мне рассказали любопытную историю о том, как наши бригадиры Николай Каминский, Анатолий Усиков и Алексей Ельников выиграли пари у итальянских специалистов Тариэлли и Марки.

Итальянские специалисты не раз высказывали хорошие слова о мастерстве русских рабочих. Но когда советские тепломонтажники сказали, что намеченный итальянской фирмой срок они сократят на целый месяц,— господа Тариэлли и Марки вежливо усомнились.

— Невозможно,— заулыбались они.— Шутите. Слишком трудоемкое дело. Очень сложное. Опыт наших лучших мастеров-асов убедительно свидетельствует: еще никто не выполнял эту работу скорее трех с половиной месяцев.

— Поглядим,— лукаво ответили ребята.

Они выполнили сложную работу за два с половиной месяца.

— Вы действовали великолепно,— заявили итальянцы.— Прима! Молодцы, сердечно поздравляем! Грация! Спасибо!

6

Припоминаются первые месяцы и первые годы строительства Атоммаша. Одной из главных задач тогда было — жилье, строительство домов для тех, кто в трудных условиях возводил могучие корпуса завода.

На Всесоюзную ударную хлынул огромный людской поток. Надо было устраивать первопроходцев, создать им элементарные условия для жизни. Это было нелегко. И все же в степных просторах Дона один за другим поднимались жилые кварталы. И тут сразу дала себя знать одна горячая проблема: нехватка детских учреждений. Испытывался острый недостаток в школах, детских садах, яслях, в детских лечебницах...

Но и эту преграду одолели энтузиасты. Кто сегодня считает в Волгодонске все детские сады?! Попробуем: «Казачок», «Журавлик», «Тополек», «Золотой ключик», «Родничок», «Голубые дорожки», «Красная шапочка», «Радуга», «Дельфинчик», «Чебурашка», «Мишутка»... Детские ясли строятся вместе с садиками. К услугам ребят большой магазин «Детский мир», станция юных техников, две спортивные школы, две музыкальные школы, кафе «Сказка», новая хоккейная площадка... Построены детская больница, новое здание родильного корпуса. Маленьким волгодонцам подарили отличную детскую железную дорогу...

Все, что отдается детям, строится любовно, красиво, с душевной щедростью. Войдем в детский сад «Казачок». Двухэтажное просторное здание. Все сделано так, чтобы маленьким было хорошо, интересно, весело, чтобы им не хотелось отсюда уходить. У ребят такое ощущение, будто они попали в сказку, будто их окружает волшебный мир. Но это реальный мир атоммашевских детей...

В зимнем саду воздух напоен целебным настоем. Рядом прекрасный плавательный бассейн, выложенный красочной мозаикой. Заведующая детским садом Майя Михайловна Глаголевская рассказывает о замечательном владении ребят.

— В нашем комбинате, — начала она, — сотни ребятишек...

— Комбинате?! — не согласились мы. — Это не комбинат. Как говорится, не то слово. Это прекрасный ребячий дворец!

«Казачок» не единственный в Волгодонске такой благоустроенный детсад. Мы бывали и в «Журавлике». Тут тоже превосходный плавательный бассейн, спортивный и музыкальный залы, комнаты для игр, красочно, на темы народных сказок расписанные стены, удобная, мягкая мебель в спальнях. Из внутренних помещений специальная галерея ведет в огромный зимний сад. Я подобного сооружения никогда не видел. Над высоким зимним садом нет крыши в обычном понимании — вместо нее обширный стеклянный купол. Даже в холодные зимние дни здесь уютно, светло...

Этот дом радости атоммашевским ребятам построили рабочие управления «Заводстроя» треста «Волгодонскэнергострой». Трудники этого строительного коллектива, у которых хватает забот на строительстве завода, нашли время, изыскали возможности и построили для своих детей несравненный «Журавлик». Шефскую помощь в этом благородном деле им оказали трудящиеся Железнодорожного района Ростова.

Впрочем, это не единственный такой случай. Активная помощь ростовчан детям Атоммаша стала традиционной. Детскую железную дорогу маленьким волгодонцам построили трудящиеся Ленинского района Ростова, великолепную трехэтажную школу № 16 по новейшему проекту на тысячу двести ребят — трудовые коллективы Кировского и Октябрьского районов Ростова. В благодарность

атоммашевцы золотыми буквами написали на фасаде: «Школа имени города Ростова...»

Жители столицы Дона построили в Волгодонске еще три детских сада. Ростовчан охотно поддержали другие города: Шахты, Каменск, Гуково... Они тоже оставили свой добрый след для детей Волгодонска.

Обновилась, помолодела древняя донская земля. На берегах рукотворного Цимлянского моря вырос красивый, сильный, большой белый город. Его гордостью стал завод Атоммаш. Этому предприятию нет равных ни в нашей стране, ни за рубежом. Производственное объединение «Атоммаш» будет ежегодно выпускать атомные реакторы общей мощностью 8 миллионов киловатт.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Атоммаш зовет!	3
Звезды	10
Гвардейцы Атоммаша	33

Михаил Андреевич АНДРИАСОВ
АТОММАШ ЗОВЕТ!

Редактор Д. К. И в а н о в.

Технический редактор Е. Н. Щ у к и н а.

Сдано в набор 18.05.81.	Подписано к печати 29.07.81.	А 00401.
Формат 70×108 ¹ / ₃₂ .	Бумага газетная.	Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать.	Усл. печ. л. 2,10.	Учетно-изд. л. 3,02.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1536. Зак. № 725. Цена 20 коп.		

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

СПОРТЛОТО

6 ИЗ 49

и 5 ИЗ 36

Каждую субботу проводятся тиражи «Спортлото» «6 из 49» и «5 из 36». Доходы от спортивных лотерей направляются на развитие физической культуры и спорта, строительство спортивных сооружений.

Билеты участвуют в тираже двумя комбинациями номеров.

Выигрыш от 3 до 10 000 рублей.

Главное управление спортивных лотерей

